0 54
925

О 54/925 см.

РУССКІЕ И СЕРБЫ

ВЪ ВОЙНУ 1876 ГОДА

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ХРИСТІАНЪ.

ОБЩІЙ КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ПИСЬМА

А. Н. ХВОСТОВА

12-18/12-2-2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова). Больш. Садовая, № 27
1877

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Марта 1-го дня 1877 года.

Ф-34481-41

2007096117

ПОСВЯЩЕНО

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ СЛАВЯНСКАГО КОМИТЕТА

ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ АКСАКОВУ,

въ знакъ глубочайшаго уваженія.

ВВЕДЕНІЕ.

Русскіе добровольцы, являясь въ Россію въ раздраженномъ состояніи отъ испытанныхъ ими лишеній и нуждъ, часто бранятъ сербовъ и взваливаютъ на нихъ всевозможныя обвиненія; русское же общество, рѣдко или почти совсѣмъ не встрѣчая что-либо въ защиту сербскихъ начальниковъ и народа, очень часто приходитъ къ одностороннему заключенію и такъ, или иначе, болѣе или менѣе, склонно думать, что дѣйствительно сербы виноваты въ неудачѣ славянскаго движенія. Сербы, въ свою очередь, всѣ бѣдствія свои сваливаютъ на русскихъ и я скажу правду, если выражусь, что до войны сербы насъ не знали и любили, теперь же они, познакомившись,—ненавидятъ. Мнѣ хотѣлось бы въ этихъ замѣткахъ уяснить наши отношенія и разность взглядовъ. Общественное мнѣніе не должно идти слѣпо съ вожаками и не оправдывать парадоксъ, что единству славянъ препятствуетъ собственная неурядица; но слѣдуетъ продолжать общее дѣло съ увлеченіемъ и довѣріемъ другъ къ другу.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I.

Бросивъ всѣ свои дѣла, я 31 августа выѣхалъ изъ Петербурга во Владикавказъ, чтобы на свой счетъ сформировать кавказскій дивизіонъ изъ терскихъ и кубанскихъ казаковъ для Сербіи. Впослѣдствіи вице-президентъ Московскаго Славянскаго Комитета И. С. Аксаковъ предложилъ выдавать по 20 коп. суточныхъ на человѣка и перевезти за границу на свой счетъ. Объѣхавъ Сунджу, Терскъ, Кубань и Лабу на пространствѣ до 2 тысячъ верстъ, я могъ бы собрать нѣсколько полковъ, но передъ самымъ отправленіемъ вышло распоряженіе военнаго начальства,—не отпускать за границу казаковъ 1 и 2 призывовъ. Такъ какъ большинство добровольцевъ состояло изъ этихъ двухъ разрядовъ, то я такимъ образомъ лишился многихъ изъ нихъ и отправился въ Сербію во главѣ 6 человѣкъ офицеровъ и 120 нижнихъ чиновъ. Впрочемъ, почти столько же предполагало присоединиться къ моему отряду уже въ Бѣлградѣ. Наше даровое путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ имѣло видъ тріумфа; вездѣ встрѣчали насъ обѣдами и завтраками, а когда мы ѣхали на пароходѣ изъ Ростова въ Таганрогъ, то пароходъ разцвѣтился флагами и стрѣляли изъ пушекъ. Высокій ростъ, воинственный и почтенный видъ кавказцевъ, изъ которыхъ чуть не половина георгіевскихъ кавалеровъ и почти всѣ увѣшанные орденами и медалями въ память войнъ, въ папахахъ, буркахъ — приводили всѣхъ въ восторгъ. Когда нѣкоторые отплясывали лезгинку съ оружіемъ въ рукахъ и зубахъ, то предѣлу удивленія и крикамъ „браво“ не было конца. Заграницей, въ Румыніи, тоже поражались ихъ бравымъ видомъ. Толпа народа не могла оторваться, преслѣдовала насъ до мѣста гостинницы, а маленькій жандармскій капитанъ, провожавшій насъ съ дебаркадера, съ сіяющимъ лицомъ воскликнулъ: Ah, que je voudrai bien embrasser tous vos braves casaques! (о, какъ

бы я хотѣлъ обнять всѣхъ вашихъ молодцовъ казаковъ!). Въ самомъ веселомъ расположеніи духа ѣхали мы по желѣзнымъ дорогамъ до Турнъ-Северина; остановки и ночлеги въ городахъ, разнообразили поѣздку. Впрочемъ, point de roses sans épines, нѣкоторыя столкновенія съ полупьяными добровольцами отравляли наше расположеніе духа и иногда приходилось краснѣть за нѣкоторыхъ соотечественниковъ. Этотъ недисциплированный сбродъ дѣлалъ страшный диссонансъ между моими стариками, державшими себя какъ истые джентльмены; я только и думалъ, какъ бы отдѣлить овецъ отъ козлищъ. Партіонные ихъ начальники были просто мученики. Одинъ изъ нихъ, на одной изъ станцій, юноша, только что окончившій университетъ, подошелъ ко мнѣ весь блѣдный, съ просьбою помочь ему раздѣлаться съ однимъ изъ буяновъ, грозившимъ его удушить, если онъ не выдастъ ему за нѣсколько дней впередъ денегъ. Я тотчасъ же вынужденъ былъ броситься къ нему и пострашалъ, что накажу его тутъ же на станціи; такая энергичная рѣчь военнаго человѣка подѣйствовала на него отрезвляюще и изъ отъявленнаго каторжника онъ превратился въ ягненка. Правда, иногда и было чѣмъ раздражаться людямъ: на станціяхъ ихъ обманывали и брали съ нихъ за все немилосердно дорого. Когда на одной изъ нихъ хозяинъ изъ евреевъ былъ уличенъ въ этомъ и русскіе протестовали, то онъ, нисколько не стѣсняясь, объявилъ, что положенная цѣна существуетъ только для мѣстныхъ жителей, а не для проѣзжающихъ русскихъ. Подобное нахальство привело въ ярость добровольцевъ и они приступили ко мнѣ съ просьбою выдать имъ нагайки, чтобы проучить жида, и чуть не отколотили его. Съ большимъ трудомъ пришлось мнѣ удержать расходившихся. Я говорилъ, что въ душѣ я и явившійся полиціймейстеръ, какъ онъ объявилъ намъ, были бы рады, если бы хозяину досталось въ тихомолку, но иначе немедленно разнесутъ этотъ поступокъ въ иностранныхъ газетахъ по Европѣ и мы еще болѣе раздражили бы несочувственно о насъ отзывающихся иностранцевъ. Къ вечеру мы подъѣхали къ Турнъ-Северину. Грандіозность спуска съ горъ, огоньки внизу, въ городѣ, видъ Дуная и близость Сербіи и конца ожиданіямъ—переполнили наши чувства. Всѣ были въ какомъ-то упоеніи, грудь вздымалась высоко, глаза блестѣли, прерывающіяся рѣчи выражали общую радость; чаша казалась переполненною, и мы, какъ будто по электрическому току, разразились гром-

кимъ русскимъ ура! Какой-то англичанинъ, корреспондентъ „Теймса", видя беззаботность и веселость нашихъ добровольцевъ, отправляющихся на битву, писалъ, что русскіе ему напомнили крестовые походы. Относительно экзальтаціи русскихъ, — это совершенно вѣрно; только одно мнѣ изъ исторіи неизвѣстно, дѣлали ли крестоносцы Европы такіе скандалы, какъ наши? Мнѣ поведеніе ихъ скорѣе напомнило замѣстителей въ болѣе близкое для насъ время. Пріѣхавъ въ Турнъ-Северинъ, мы скоро размѣстились по гостинницамъ и кофейнямъ, благодаря обязательной предупредительности г. М-ли, отставного русскаго офицера, женатаго на румынкѣ и пріѣхавшаго изъ Бухареста нарочно для содѣйствія русскимъ. Вскорѣ кафе-ресторанъ былъ наполненъ вновь прибывшими и возвращающимися изъ Сербіи русскими. Интересъ слышать и видѣть уже бывшихъ въ огнѣ былъ неописанный; всѣ съ жадностію осаждали очевидцевъ и выслушивали длинныя сказанія о бѣдствіяхъ и нуждахъ, постигшихъ страну. Вообще, на первыхъ же порахъ, еще не вступая на сербскій берегъ, чувствуешь какое-то разложеніе и деморализацію отъ всего, что только соприкасалось съ этимъ народомъ. Отъ возвращающихся раненыхъ и здоровыхъ добровольцевъ вы только и слышите одну брань на разные мотивы; бранятъ страну, сербовъ и администрацію, но главнымъ образомъ генерала Черняева и его штабъ. Корреспондентамъ газетъ тоже доставалось: „Пріѣхавъ въ Россію, перваго, кого я изобью, будетъ корреспондентъ", говоритъ добровольецъ съ повязкою на рукѣ. „Убить ихъ надо", добавляетъ другой...— «Не стоитъ, господа, ѣхать», говоритъ въ трехъ мѣстахъ раненый капитанъ въ сербской формѣ:— сербы не хотятъ драться; мы, русскіе,—жертвы; они бѣгутъ, оставляя насъ ранеными на полѣ сраженія. Я служилъ у Медвѣдовскаго въ отрядѣ; такого-то числа, утромъ, на разсвѣтѣ, онъ сказалъ намъ:—Господа! будетъ сраженіе; моя папаха укажетъ вамъ мѣсто, гдѣ я буду. Мы, русскіе охотники, и черногорцы начали дѣло, ворвались въ ближайшій шанецъ, натискъ былъ горячій, онъ достался намъ легко. Выбивши турокъ изъ перваго, мы взяли второй и третій; но уже четвертый шанецъ достался намъ съ трудомъ. Затѣмъ, мы очутились подъ перекрестнымъ огнемъ, турки двигались на насъ массой, насъ никто не поддержалъ и мы погибли. Но ни Медвѣдовскаго, ни его папахи,—мы не могли найти. Я былъ раненъ. Меня потащилъ черногорецъ; какимъ образомъ

я не попался въ плѣнъ, — я не знаю. Турки преслѣдуютъ неръшительно. Да! Начало было превосходно и поддержи насъ, приди на помощь—дѣло было бы выиграно!!"—„А это что за люди"? спрашивали мы, указывая на пять человѣкъ въ сербской формѣ, сидѣвшихъ поодаль за столомъ; одинъ изъ нихъ былъ безъ глаза.—„Они получили очень мало денегъ отъ генерала Д—ля и не могутъ добраться до Россіи".—Видъ своихъ, раненыхъ и въ нуждѣ, произвелъ въ насъ сочувствіе, начали поговаривать о складчинѣ.—„Но, подождите, подождите, господа", сказалъ интонирующимъ голосомъ какой-то статскій, тутъ же обѣдавшій, какъ оказалось, докторъ, возвращающійся въ Кіевъ.—„Я говорю, что этого безглазаго встрѣтилъ такимъ же еще въ Кіевѣ. Онъ потерялъ его не въ Сербіи, какъ онъ утверждаетъ, а еще на родинѣ. Уполномоченный славянскаго комитета выдаетъ все, что слѣдуетъ, чтобы доѣхать до мѣста. Я опять-таки утверждаю, господа, что это—ложь и шарлатанство. Онъ третьяго дня просилъ у меня денегъ и я отправилъ его въ Кладово къ коменданту; но ему не нравится служить, здѣсь лучше шататься и клянчить". Столь ясное и энергическое разоблаченіе, конечно, живо охладило наши соболѣзнованія и мы не дали нашимъ соотечественникамъ ни гроша. Ѣхавшіе обратно въ Россію часто говорили, что отправляются по порученію генерала Черняева; разъ всѣ трое, ѣхавшіе вмѣстѣ, объявили намъ это. Мы, конечно, сомнительно на нихъ смотрѣли, такъ какъ Черняевымъ было заявлено въ газетахъ, что онъ не посылалъ никого, кромѣ своего адъютанта Л—ва; но наша недовѣрчивость нисколько не смущала ихъ и они продолжали фигурировать въ своихъ сербскихъ чистенькихъ костюмахъ. Въ Бѣлградѣ я былъ лично остановленъ на улицѣ юношей, раненымъ въ ногу. „Вы только-что пріѣхали"? спросилъ онъ, растягивая слабымъ голосомъ и сжимаясь отъ сильной боли.—«Да», отвѣчалъ я.—„О, Боже мой, все что вы можете сдѣлать лучшаго, это бѣжать, бѣжать отсюда немедленно, безъ оглядки. Сербы не могутъ и не хотятъ драться. Черняевъ и его штабъ никуда негодятся. Во время дѣла распоряженія не отдавались и тамъ не знали, что дѣлается. Мы не знаемъ, чѣмъ жить, не имѣемъ никакихъ средствъ, тогда какъ штабные пьянствуютъ, заливаются шампанскимъ и проигрываютъ цѣлыя кучи золота. Я представленъ къ медали и кресту, но мнѣ не нужно ничего. Вотъ уже двѣ недѣли жду денегъ, шатаюсь и

молю Бога, чтобы унесъ меня изъ этого омута. Повѣрьте мнѣ, уѣзжайте, вы будете тогда благословлять судьбу. Вспомните меня, пожалѣете, да будетъ поздно!» Чистосердечная рѣчь, юность и болѣзненные, но блестящіе глаза непріятно подѣйствовали на меня, я съ оттѣнкомъ грусти, какъ бы оправдывался не въ недовѣріи къ его словамъ, а въ невозможности исполнить его совѣтъ, сказалъ, что я не одинъ, а связанъ съ отрядомъ и не могу уѣхать раньше того, пока не кончу всего дѣла. Впрочемъ, какъ всегда и вездѣ, вы встрѣтите мнѣнія, совершенно противоположныя. Если вы спросите штабнаго или одного изъ начальствующихъ русскихъ лицъ, то онъ сейчасъ всю вину свалитъ на военнаго министра Николича, или сошлется на извѣстный парадоксъ, что счастіе на войнѣ первая сила; а иногда болѣе или менѣе крѣпко побранитъ и Черняева. Но вообще въ этомъ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній совершенно терялся. Вы мало по малу чувствуете, что вы теряете почву подъ ногами; колеблетесь и не знаете кому вѣрить. Вы начинаете подозрѣвать страшную правду и въ тоже время вамъ не хочется разстаться съ иллюзіей, съ которой вы какъ бы давно сродпились. Гдѣ я? куда я попалъ? Не есть ли Сербія, во главѣ съ русскими, сумасшедшій домъ громаднаго размѣра, гдѣ сторожа куда-то попрятались. Вообразите положеніе, очутиться между людьми, потерявшими голову или сумасшедшими?!

ГЛАВА II.

Движеніе добровольцевъ изъ Россіи, сначала слабое и болѣзливое, со смертію Кирѣева быстро двинулось впередъ. Первые люди, славянофилы, борцы идеи, отличались нравственными качествами, поведеніе ихъ было безупречно и они были желанными гостями въ Сербіи. Появленіе русскаго было торжествомъ. На нихъ смотрѣли, какъ на людей культурно высшихъ; сербы принимали ихъ радушно, съ восторгомъ; незнакомые пожимали имъ руки, оказывали всевозможное содѣйствіе и зачастую отказывались брать съ нихъ за что бы ни было деньги. Но близилось разочарованіе. За подобными людьми двигалась масса другого сорта, которыхъ занимала не идея,

а просто разгульная, безшабашная жизнь, или только желаніе, наконецъ, притянуться къ какому-нибудь дѣлу; люди праздные, безъ мѣстъ и опредѣленнаго занятія, очень часто преступные, состоявшіе подъ судомъ или слѣдствіемъ. Поговаривали даже, что бѣжало въ Сербію нѣсколько приговоренныхъ къ каторгѣ. Славянскіе комитеты охотно и много давали денегъ, а имъ только того и нужно было. Получая вспомоществованіе, многіе даже не выѣзжали совсѣмъ съ мѣста отправленія, а иные доѣзжали до полъ-дороги и требовали прибавки, угрожая иначе не доѣхать; нѣкоторые изъ нихъ занимались сборомъ въ свою пользу открыто, или подъ предлогомъ для бѣдствующихъ славянъ; одинъ, даже въ Одессѣ, ходилъ въ сербской генеральской формѣ, собирая подаяніе. Многіе добровольцы не могли уяснить себѣ хорошенько, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые смѣшивали Сербію съ Персіей и не понимали, какъ это въ Персіи боятся черкесовъ; они полагали, что ихъ нанимаютъ на службу для борьбы съ людьми, передъ которыми христіане по малочисленности своей пасуютъ, и старались продать свои услуги какъ можно дороже. Нѣкоторые добровольцы, услуги которыхъ особенно цѣнились, напримѣръ донскіе казаки, ѣхали въ Сербію лишь подъ условіемъ выдачи имъ по 50 рублей на семью. Большинство этихъ людей, не имѣя ничего и нуждаясь въ самомъ необходимомъ у себя дома, превращаясь въ добровольцевъ, были требовательны и щепетильны къ малѣйшимъ неудобствамъ; получая въ сутки по 1 рублю и больше, т. е. содержаніе американскаго солдата, они роптали на недостаточность. Выраженіе неудовольствія начиналось еще въ Кишиневѣ, этомъ сборномъ пунктѣ для отправленія заграницу. Сталкиваясь съ другими партіями, они говорили: „Чѣмъ же мы хуже другихъ? Нѣтъ, тутъ что-то не чисто“, и начинали подозрѣвать въ злоупотребленіяхъ своихъ партіонныхъ начальниковъ. Приходилось напоминать священную цѣль поѣздки и объяснять, что славянскіе благотворительные комитеты вольны выдавать по своему усмотрѣнію однимъ больше, а другимъ меньше; что это не казна, которая руководствуется во всемъ общими неизмѣнными правилами, и въ заключеніе утѣшать, что въ Сербіи будутъ всѣ на одинаковомъ положеніи. Между тѣмъ, во время пути, они производили повальное пьянство и скандалы, иногда выходящіе изъ предѣловъ приличія и доходящіе даже до цинизма; заводили между собою ссоры и драки, стрѣляли изъ револьверовъ и крали другъ у друга.

Такъ ѣхалъ со мною помѣщикъ Тверской губерніи Х. Онъ былъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, плотный мужчина, сѣдой, съ козлиной бородкой. Этотъ Х. представлялъ симпатичный типъ стараго кавалериста-помѣщика, добродушнаго малаго и превосходнаго товарища; онъ былъ въ оригинальномъ костюмѣ, взятомъ имъ изъ гардероба своего бывшаго театра: въ длинныхъ сапогахъ, весь въ сѣромъ, въ краснома мефистофельскомъ плащѣ и въ разноцвѣтной шапочкѣ съ кисточкой, въ родѣ bonnêt de police. Вооруженный съ головы до ногъ, что называется съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, сдѣланнаго нарочно, назаказъ, для этого крестоваго похода, онъ своимъ фантастическимъ нарядомъ положительно приковывалъ къ себѣ глаза всѣхъ,—и что же? Несчастный баричъ, безъ прислуги, забывая все, что дѣлаетъ и куда что кладетъ, обобранный дорогою, явился въ Сербію почти совсѣмъ разоруженнымъ. Партіонныхъ начальниковъ не слушались; волонтеръ не считалъ обязанностію повиноваться людямъ иногда молодымъ, воспитаннымъ и невоеннымъ; случалось, что несчастныхъ буквально брали за горло или били, требуя денегъ,—въ противномъ случаѣ грозя убить тутъ же на мѣстѣ. Однимъ словомъ, добровольцы были въ полномъ невѣдѣніи своихъ правъ и обязанностей и, по мѣрѣ удаленія ихъ изъ Россіи, неудовольствія росли прогрессивно; такъ, что при вступленіи на сербскую землю, раздражительность и требовательность русскихъ переходили всякіе предѣлы. Непонимая страны, куда они попали, и терпя лишенія, неизбѣжныя при всякомъ неожиданномъ скопленіи народа, они скептически относились къ невозможности удовлетворить безотлагательно всѣмъ ихъ требованіямъ, большею частію нелѣпымъ, и вездѣ подозрѣвали злоупотребленія то партіонныхъ начальниковъ, то сербскихъ властей. Хотя комитеты направляли всѣхъ добровольцевъ прямо въ Бѣлградъ, гдѣ они должны были явиться къ уполномоченному отъ комитетовъ и получать все необходимое для отправки въ армію, однако ѣхавшіе чрезъ Румынію направлялись въ Кладово, въ надеждѣ отправиться немедленно въ Бѣлградъ на пароходѣ или пѣшкомъ. Такимъ образомъ въ этомъ небольшомъ въ $1—1^1/_2$ тысячъ жителей, но богатомъ мѣстечкѣ скопилось въ одно время слишкомъ 600 человѣкъ русскихъ. Въ казармахъ не доставало мѣстъ и приходилось размѣщать ихъ въ частныхъ квартирахъ. Пьяные и буйные (что у простого русскаго человѣка почти неразрывно) они приводили въ трепетъ власти и

мирныхъ жителей; послѣдніе со страхомъ смотрѣли на эту толпу ругавшихся и противившись размѣщенію, затворяя передъ ихъ носомъ двери. Комендантъ крѣпости, въ вѣдѣніе котораго поступали добровольцы, и префектъ округа, т. е. губернаторъ, люди воспитанные и деликатные, куда-то спрятались; они, не видя никакой возможности удовлетворить въ скоромъ времени нашимъ требованіямъ, скрывались отъ насъ, боясь подвергнуться личнымъ оскорбленіямъ. Я лично искалъ перваго нѣсколько часовъ, вертясь около его дома и тщетно желая его видѣть. Когда онъ, убѣдившись по моему голосу, что это именно былъ я, тихо, какъ бы крадучись, вышелъ изъ своей засады съ словами: „Ah! c'est vous, monsieur X"?! разсыпался въ любезностяхъ и покорно просилъ успокоить добровольцевъ въ томъ, что по возможности скоро будутъ отведены имъ квартиры и выдано продовольствіе. Мнѣ самому съ трудомъ пришлось уговорить одну старушку-домовладѣлицу впустить меня къ себѣ на постой. Ни предложеніе денегъ, ни увѣреніе, что я принадлежу къ начальственнымъ лицамъ и что поведеніе мое будетъ безупречно, ничто долго ее не трогало; только угроза старосты поставить къ ней на постой рядовыхъ вдругъ сломила ея упрямство. Впослѣдствіе она оказалась очень почтительной женщиной и дотого деликатной, что приходилось уговаривать ее брать съ меня деньги. На вопросъ мой, почему она сопротивлялась принять меня къ себѣ въ домъ, она чистосердечно созналась, что одинъ видъ пьянаго, буйнаго русскаго человѣка приводилъ ее въ трепетъ. Я былъ свидѣтелемъ другой сцены: одна хозяйка положительно забаррикадировалась противъ русскихъ; она, какъ фурія, съ растрепанными волосами и сверкающими глазами защищала свое убѣжище отъ офицеровъ и старосты, деликатно упрашивавшихъ ее впустить „братьевъ руссовъ". Всѣ прибывшіе русскіе немедленно зачислялись на продовольствіе отъ сербскаго правительства. Провизія, мясо и хлѣбъ всегда были свѣжіе, въ достаточномъ количествѣ. Недостатокъ посуды и котловъ дѣлали невозможнымъ накормить всѣхъ обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ, въ опредѣленные часы, а однимъ приходилось ожидать, пока не кончатъ другіе; но наши и здѣсь не всегда были сдержанны, являлись драки за посуду и котлы, грозили чуть не убить другъ друга. Общаго начальника не было; некому было разобрать жалобы, распорядиться сформированіемъ маршевыхъ частей и отправкою на позицію. Люди по цѣлымъ недѣ-

лямъ сидѣли въ мѣстечкѣ, ничего не дѣлая, безобразничая, такъ какъ безпачаліе было полное. Уполномоченный славянскихъ комитетовъ, генералъ-маіоръ Дандевилль, поступившій на сербскую службу и завѣдывавшій добровольцами, былъ человѣкъ весьма образованный и благонамѣренный, но не зналъ въ чемъ именно нуждались пріѣзжавшіе русскіе. Живя безвыѣздно въ Бѣлградѣ, онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, что дѣлается въ Кладовѣ, этомъ главномъ этапномъ пунктѣ. Необходимо было принять людей, фактически, допросить ихъ, не имѣютъ ли претензій, взыскать съ виновныхъ, ввести дисциплину на первыхъ же порахъ и тѣмъ прекратить соблазнъ; нужно было немедленно выяснить злоупотребленія, а больше заблужденія, нелѣпость которыхъ иногда была поразительная. Такъ нѣсколько добровольцевъ, пріѣхавъ уже на мѣсто, требовали выдачи имъ всей суммы денегъ, выданной отъ комитета, въ виду того, что имъ извѣстно, что за проѣздъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ не брали съ нихъ денегъ. Никакіе резоны партіоннаго начальника о платежѣ за провозъ и ночлеги не дѣйствовали; они грубо отвѣчали, что отъищутъ свое, хоть дойдутъ до Милана. Наконецъ, необходимо было назначить начальниковъ, выдать командѣ теплую одежду и сапоги, которыхъ было выслано громадное количество, и тогда уже отправить пріѣхавшихъ въ армію. Этого ничего не было, генералъ Дандевилль не выполнялъ этой задачи, въ чемъ именно и заслуживалъ нареканія въ Сербіи. Изъ всего сложнаго этого дѣла, генералъ Дандевилль ограничивался только отправкою волонтеровъ обратно въ Россію, раздавая имъ на проѣздъ деньги, формальною стороною пріемки чрезъ отчетныя вѣдомости отъ партіонныхъ начальниковъ и собираніемъ заграничныхъ паспортовъ. Являющимся въ Кладово партіямъ добровольцевъ онъ телеграфировалъ приказаніе отправиться прямо въ Делиградъ, не заходя въ Бѣлградъ. Какъ объясняли, это дѣлалось потому, во-первыхъ, что изъ Кладово въ Бѣлградъ приходилось бы отправиться на пароходѣ австрійскаго пароходства, что было дорого; единственный сербскій пароходъ „Делиградъ“ былъ занятъ перевозкою раненыхъ отъ Шабаца до Бѣлграда и Смедерево и обратно; глубоко сидя и за порогами, онъ по низкой водѣ не всегда могъ спускаться внизъ по Дунаю до мѣстечка „Добре“, въ 40 верстахъ отъ Кладово; во-вторыхъ, потому, чтобы предохранить вновь прибывающихъ русскихъ отъ деморализаціи возвращающихся съ позиціи чрезъ Бѣлградъ, и, въ-третьихъ,

потому, что добровольцы могли все необходимое получить въ Делиградѣ. Послѣднее для кавалеріи было совершенно невѣрно; мнѣ было извѣстно отъ Черняева, что казаки должны были имѣть все съ собою до мелочей, такъ какъ въ арміи ничего нельзя было достать; да и понятно, есть-ли какая-либо возможность формировать кавалерійскую часть въ виду непріятеля? Между тѣмъ, насъ посылали идти пѣшкомъ въ грязь, во время холода, безъ теплой одежды, дѣлая переходъ въ дней шесть погорамъ и вызженнымъ деревнямъ, безъ оружія, въ виду турецкихъ аванпостовъ. Спрашивается, какимъ образомъ возможно было исполнить приказаніе? Не слушаться — неблагонамѣренно тормозить дѣло, для котораго пріѣхали съ самыми лучшими стремленіями; исполнить же не было физической возможности и безполезная жертва людьми. Являются подговоры и непослушаніе; люди отказываются исполнять приказанія партіонныхъ начальниковъ, противъ которыхъ они уже имѣли недовольство и миссія которыхъ считалась оконченною. Слѣдовательно, какая сила заставитъ ихъ тронуться? Одна небольшая партія болгаръ прямо попалась въ руки турокъ, а линейные казаки пропадали безъ вѣсти три недѣли, такъ что, по моему настоянію, генералъ Черняевъ и военный министръ приказали телеграфировать во всѣ мѣста и послать жандармовъ отыскать ихъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, предъ самымъ перемиріемъ, прибылъ въ Кладово членъ Московскаго Славянскаго Комитета, изъ военныхъ, для завѣдыванія добровольцами. Этотъ человѣкъ по своей энергіи былъ бы чрезвычайно полезенъ дѣлу, если-бы явился раньше. Ничегонедѣланіе и горячечное воинственное состояніе чуть не было причиной большой катастрофы; кто-то изъ офицеровъ, собравшихся у меня, предложилъ взять приступомъ Одекале. Эта турецкая крѣпость находится на островкѣ Дуная, между Сербіей, Австріей и Румыніей, верстахъ въ 35 отъ Кладово. Былъ созванъ немедленно военный совѣтъ, на которомъ рѣшено составить баталіонъ подъ моею командою; бердановскія ружья донскихъ казаковъ раздать линейнымъ казакамъ, лучшимъ стрѣлкамъ, а для всѣхъ остальныхъ отнять ружья у сербскаго гарнизона въ кладовской крѣпости. Затѣмъ, переправившись на имѣющихся при крѣпости казенныхъ баржахъ и гребныхъ судахъ, сдѣлать высадку и взять крѣпость приступомъ. Двое офицеровъ, впередъ соглашавшихся послѣдовать рѣшенію совѣта, тѣмъ не менѣе представили довольно вѣское возраженіе, а именно: что крѣпость была объяв-

лена нейтральной подъ условіемъ, что турецкій флотъ не предприметъ никакихъ военныхъ дѣйствій со стороны Дуная и что мы нарушимъ ея нейтральность. „А что можетъ быть намъ за эту штуку?“ спрашиваютъ нѣсколько человѣкъ.—„Господа, насъ сербское правительство перевѣшаетъ за самовольное дѣйствіе и нарушеніе международнаго права“, отвѣчаетъ благоразумный голосъ.—„Откуда это вы взяли? Побѣдителей не судятъ,—вторятъ хоромъ голоса:—да и Россія не позволитъ этого сдѣлать; дипломаты какъ-нибудь уладятъ это дѣло, а между тѣмъ крѣпость будетъ принадлежать Сербіи, а разъ взявъ, мы ее не отдадимъ, да турки и не потребуютъ назадъ. Съ полною независимостію Сербіи и Румыніи крѣпость эта какъ неумѣстная является лишнимъ бременемъ“. Какъ видите, мы еще не могли совершенно отрѣшиться отъ сербскихъ успѣховъ, навѣянныхъ нашими журналами и провозглашеніемъ королевства Сербіи. Наконецъ, говоримъ мы, Сербія будетъ намъ благодарна за это пріобрѣтеніе, цѣнное въ политическомъ значеніи, и исторія запишетъ это дѣло спеціально за русскими добровольцами. Всѣ шансы успѣха были на нашей сторонѣ. Гарнизонъ состоялъ изъ 500 человѣкъ, атакованый такимъ же числомъ нашими, былъ бы разбитъ. Наэлектризованные и рвущіеся въ бой добровольцы были въ восторгѣ отъ этого рѣшенія; запахъ крови такъ пріятно щекоталъ нервы кавказскихъ героевъ, что они находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи и преждевременно прибѣгали удостовѣриться, вѣренъ ли этотъ слухъ, и выразить свое полное удовольствіе за это рѣшеніе. Но, въ виду всѣхъ этихъ соображеній, было положено предварительно объяснить префекту, что мы пріѣхали въ Сербію драться въ турками, а не оставаться на мѣстѣ сложа руки, что такого положенія мы долѣе выносить не можемъ, и объявить ему кратко о нашемъ замыслѣ. Почтенный начальникъ поблѣднѣлъ отъ этихъ словъ. Взявъ меня за руки, онъ въ краткихъ, но проникнутыхъ чувствомъ, энергическихъ словахъ сказалъ: „Если вы хотите величайшаго несчастія Сербіи, то въ такомъ случаѣ вы можете это дѣлать. Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ вашихъ головорѣзовъ, но вашъ поступокъ принесетъ неисчислимыя бѣдствія нашей странѣ. Турки будутъ бомбардировать нашъ берегъ, разворятъ его и могутъ сдѣлать высадку“. Рѣчь эта подѣйствовала на меня прохладительно. —„Въ такомъ случаѣ, это дѣло немыслимо, сказалъ я:—мы пришли помочь, но ни въ какомъ случаѣ не быть причиной несчастія вашей

страны". Тѣмъ дѣло и кончилось. Мое возвращеніе съ аудіенціи ждалось съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, за которымъ послѣдовало горькое разочарованіе.

ГЛАВА III.

Въ мирное время Сербія одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы. Плодородная почва, хорошій мягкій климатъ, горы, изобилующія минераломъ, рѣки съ хорошою рыбою и прекрасные дубовые лѣса—все это дѣлаетъ пріятное впечатлѣніе. Сербы народъ здоровый на видъ; энергическій, южный, правильный типъ съ рѣзкими очертаніями; здѣсь преобладаютъ брюнеты. Такихъ непріятныхъ, обрюзглыхъ оваловъ, какіе попадаются у насъ зачастую, вы здѣсь не встрѣтите. Я тщетно старался уловить сродные намъ русскимъ черты у мужчинъ. Женщины же, напротивъ, часто напоминаютъ нашихъ, отличаются лишь, конечно въ массѣ, большею правильностію, выразительностію чертъ и смуглостію лица. Прекрасные каріе и черные глаза здѣсь вы встрѣтите на каждомъ шагу, зато голубыхъ я не видалъ. Сербы отличаются добродушіемъ и мягкостію въ обращеніи; въ послѣднемъ они мало уступаютъ полякамъ, но не льстивы. Они степенны въ движеніяхъ и апатичны какъ малороссы, впрочемъ, не безхитростны,—это результатъ слабости и вѣковаго порабощенія. Женщины совершенно свободны въ движеніяхъ, живы и въ умственномъ развитіи если не выше, то и не ниже стоятъ мужчинъ; красотою и типомъ онѣ подходятъ къ итальянкамъ, только съ болѣе овальнымъ очертаніемъ; граціей напоминаютъ полекъ, а тактомъ, степенностію и задушевностію—русскихъ женщинъ. У нихъ незамѣтно страстности и чувственности женщинъ южныхъ странъ и отличаются нравственностію. Я не говорю про жизнь въ Бѣлградѣ, да еще въ военное время, и въ другихъ городахъ, гдѣ является пришлый элементъ; въ подобныхъ космополитскихъ центрахъ нравы, съ малыми оттѣнками, почти вездѣ одинаковы; я только утверждаю, что сербскій народъ держится патріархальныхъ нравовъ относительно семьи. Здѣсь вы рѣдко встрѣтите крайности цивилизованныхъ странъ

Европы или грубаго обращенія и семейный деспотизмъ главы дома, или совершенный индеферентизмъ, все болѣе и болѣе проявляющійся у насъ и на Западѣ, какъ слѣдствіе браковъ по разсчету. Турецкое иго съ своею гаремной жизнію не могло совратить семейнаго быта сербовъ, оно дало только дурные слѣды въ религіозной индеферентности, въ искаженіи славянскаго языка турецкими словами, въ домашней обстановкѣ кучи (дома) и въ страшныхъ ругательствахъ, превосходящихъ русскія, такъ какъ соединены съ святотатствомъ; впрочемъ, такъ какъ сербы народъ болѣе или менѣе выдержаный, то слышать брань приходится рѣдко; это не то, что русскій человѣкъ, принадлежащій даже къ лучшему обществу, для большаго краснорѣчія любитъ въ холостой бесѣдѣ примѣшивать къ своей рѣчи крѣпкое словцо, что называется какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ. Въ Сербіи васъ поражаетъ отсутствіе внѣшнихъ проявленій религіозности. Въ церквахъ вы не увидите толпы народа, вы даже не замѣтите особенно собравшихся старичковъ и женщинъ, этого постояннаго контингента въ нашихъ храмахъ; мнѣ случилось зайти въ первую церковь въ Кладово, богатое мѣстечко на берегу Дуная и, не смотря на то, что это былъ воскресный день, кромѣ русскихъ добровольцевъ, почти никого не было. По архитектурѣ и внутренней обстановкѣ лучшія церкви и соборы уступятъ нашимъ даже въ богатыхъ селахъ, конечно, за нѣкоторыми исключеніями, напримѣръ, собора въ Бѣлградѣ, гдѣ служитъ митрополитъ. Церковныя принадлежности они получаютъ большею частію изъ Россіи; церковное пѣніе не производитъ пріятнаго впечатлѣнія для слуха, привыкшаго къ замѣчательнымъ пѣвчимъ собора св. Исаакія и придворныхъ въ Петербургѣ, исполняющихъ концерты Бартнянскаго и другихъ духовныхъ композиторовъ. Сербскій напѣвъ напоминаетъ мнѣ старый, лаврскій напѣвъ въ Кіевѣ, не отличающійся музыкальностію и концертной выработкою. Наши пѣвчіе въ русской походной церкви въ Бѣлградѣ составляли контрастъ съ сербскими пѣвчими, какъ звѣзды первой величины. Присутствуя разъ на бракосочетаніи, я замѣтилъ нѣкоторую разницу въ обрядѣ: вмѣсто шаферовъ, стояли: за невѣстой женщина, а за женихомъ мужчина; они не держали надъ головами вѣнцовъ, которые лежали впереди на аналоѣ, а вмѣсто ихъ на голову брачущихся надѣвали легкія коронки изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. По окончаніи обряда, сторожа или родственники брачущихся кидали на полъ

какое нибудь зерно съ деньгами, какъ эмблему богатства и довольства. Мальчишки кидались со всѣхъ ногъ, толкая другъ друга и падая, подбирать деньги. Мнѣ сказали, что этотъ послѣдній обычай, удивлявшій насъ русскихъ, практикуется внѣ центровъ сербской цивилизаціи, въ селахъ и городахъ. Эта маленькая страна, географически поставленная между сильными сосѣдями, прежде служила ареной передвиженія различныхъ народовъ. Вспомнимъ исторію Запада, кто въ Сербіи не перебывалъ; а потому естественно она должна была отклониться въ языкѣ, типѣ и обычаяхъ отъ другихъ славянскихъ народовъ, въ особенности русскихъ и поляковъ. Какъ въ нашемъ языкѣ много галицизмовъ и татарскихъ словъ, такъ и у нихъ нѣмецкихъ и турецкихъ; но, зная славянскій и нѣмецкій языки, при небольшой практикѣ, возможно въ четыре, шесть мѣсяцевъ научиться сербскому языку. Я зналъ нѣкоторыхъ добровольцевъ, которые въ этотъ срокъ уже понимали и объяснялись очень легко по-сербски. Сербія страна земледѣльческая; мануфактура же и промышленность совсѣмъ не развиты; вы здѣсь не увидите ни фабрикъ, ни заводовъ. Дѣятельность серба сосредоточивается въ землѣ: плодородіе почвы такъ велико и тучность ея такъ значительна, что снимаютъ иногда въ годъ по два посѣва кукурузы или пшеницы. Торговля превосходными курчавыми свиньями въ особенности распространена въ Сербіи, такъ какъ дубовыя рощи способствуютъ ихъ откармливанію; профессія эта послужила за границей поводомъ называть сербовъ, въ насмѣшку,—свинопасами. Но богатство ихъ лежитъ болѣе или менѣе въ поземельной собственности. То, что сербы обязаны покупать мануфактурные товары за границей, нисколько не вредитъ ихъ финансамъ, такъ какъ вывозъ сырья преобладаетъ надъ привозомъ. Такъ какъ торговля больше внутренняя и вообще незначительная, то городскихъ жителей очень мало; сербскіе города размѣромъ, какъ большія наши села; лучшій и самый большой изъ нихъ, Бѣлградъ, имѣетъ около 35 тысячъ жителей, слѣдовательно не больше нашего г. Орла или Смоленска. Въ Бѣлградѣ постройки скученныя и безъ исключенія каменныя; городъ не имѣетъ ни пустырей, ни заборовъ; кривыя и узенькія улицы съ булыжниковою мостовою и открытыя мясныя и хлѣбныя лавки, на манеръ азіятскихъ городовъ; послѣднія непріятны для глаза и обонянія. Лучшее зданіе въ городѣ—главная школа, т. е. университетъ—бросается въ глаза какъ

выдающееся изъ всей массы бо́льшею частію двухъ-этажныхъ домовъ; всѣ остальные самой простой архитектуры, не исключая и княжескаго конака (дворца), который вы замѣтите какъ особенный барскій домъ въ ряду прочихъ и по двумъ часовымъ у дверей. Много порядочныхъ отелей и кофейнъ, куда сербы, какъ говорятъ, и въ мирное время любятъ зайти поговорить о текущихъ дѣлахъ своего маленькаго отечества. Странно только, что въ нихъ, при изобиліи всевозможныхъ иностранныхъ журналовъ, вы съ трудомъ найдете русскую газету; даже лучшіе отели ихъ не имѣютъ. Русскимъ языкомъ и литературой никто не занимается; между тѣмъ какъ сербъ или сербянка изъ городской болѣе или менѣе зажиточной семьи часто знаютъ нѣмецкій. Духовной связи между нами и сербскимъ народомъ не было; они насъ знали, какъ политическую единицу, но не нашу жизнь и соціальный строй; развѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ славянофиловъ, занимавшихся пререканіями съ нашими за преобладаніе и первенствующее значеніе въ славянскомъ единствѣ. Въ городкахъ и деревняхъ чистенькіе бѣлые домики, вымазанные глиной, какъ въ Малороссіи, придаютъ веселый и пріятный видъ, хотя не мощеныя улицы и грязны въ дождливое время года; въ окнахъ домовъ очень часто имѣются желѣзныя рѣшетки. Домашняя обстановка серба устроена на турецкій ладъ, говоря, конечно, про большинство, т. е. сельскій людъ: три, четыре комнаты, кухня и крыльцо чисто прибраны; большіе, широкіе диваны, ковры во всю комнату и ѣда на полу. Столъ у нихъ отличный, кофе утромъ, всегда нѣсколько блюдъ за обѣдомъ и вино. Сербскія столовыя красныя и бѣлыя вина превосходны; чистыя, безъ всякой фабрикаціи, онѣ неизмѣримо выше всякихъ медковъ и баснословно дешевы. Внѣ города платятъ за бутылку 5—10 коп., а въ отеляхъ — 1 франкъ. Всѣ кушанья страшно приправлены перцомъ (паприкой). Вообще въ Сербіи вездѣ и по всемъ видишь полное довольство и достатокъ. Добрый король Франціи Генрихъ IV, говорившій, что онъ былъ бы счастливъ, если-бы послѣдній изъ подданныхъ его имѣлъ каждый день курицу, очутившись въ Сербіи, вѣроятно, не зналъ бы, чего пожелать. Отчасти они напоминаютъ бытъ нашихъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, но трудолюбивыхъ и домовитыхъ, безъ желанія выбраться въ чиновничество и служить на государственной службѣ. Русскій Царь, какъ у сербовъ, такъ и у черногорцевъ, пользовался во всѣ времена большою популярностію и зачастую портреты на-

шихъ императоровъ можно найти въ сербскихъ домахъ. Въ этомъ княжествѣ нѣтъ привиллегированныхъ сословій; здѣсь нѣтъ и не было ни дворянства, ни рабовъ, ни средняго класса; тамъ, въ полномъ значеніи слова, равенство права; это государство чисто демократическое. Платя всего около 3 рублей въ годъ на всѣ государственныя нужды и расходы, сербы не знаютъ ни бюрократіи, ни солдатчины и не испытываютъ и десятой доли нужды и бѣдствій нашего раззореннаго крестьянина. Пользуясь полною политическою свободою, сербъ потягиваетъ вино, сливовицу и трубку, совершенно чувствуя себя счастливымъ. Здѣсь нѣтъ крайностей аристократическихъ или промышленныхъ государствъ, нѣтъ большихъ богатствъ и нѣтъ бѣдности; нѣтъ этого пролетаріата тунелдствующихъ, рабочихъ безъ работъ и разжирѣвшей бюрократіи. Нѣтъ бумажныхъ тузовъ, изобилія военныхъ и чиновничества, высасывающихъ народное богатство. Вѣрно, что нѣтъ блеска, но зато нѣтъ и ни одного гроша государственнаго долга и нужды. Конституція даетъ гражданамъ широкія права и политиканство страшно развито, такъ какъ государственные дѣятели находятся въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ народомъ. Здѣсь все въ миніатюрѣ, цѣли и интриги. Маленькая, недавно освободившаяся отъ турецкаго гнета, страна не даетъ простора. Подобное состояніе, можетъ быть, вредитъ постоянству и устойчивости во внѣшней политикѣ, но зато народно, во всякій данный моментъ, хотя бы даже выражало не большинство, но болѣе или менѣе популярную партію. Относительно же своего экономическаго благосостоянія Сербія блестящимъ своимъ положеніемъ обязана именно простору своей земской самодѣятельности. Вассальное положеніе къ султану выражается только въ платежѣ до 150 тысячъ рублей въ годъ; слѣдовательно, для страны нисколько не обременительно. Турецкое владычество есть символъ абсолютизма, гнета и раззоренія, но турецкій протекторатъ не даетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Напротивъ, такое раздвоеніе верховной власти служитъ противовѣсомъ нарушенія конституціонныхъ правъ народа и князя, и народная самодѣятельность крѣпнетъ. Княжеская власть не имѣетъ значенія, она не пользуется никакимъ ореоломъ, и Миланъ, лично, не любимъ. Потому, эту войну можно оправдать какъ за права и свободу угнетенныхъ христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи; но она непонятна и преступна за разширеніе правъ князя и для освобожденія отъ номинальной султан-

ской власти; въ подобной передачѣ властей народъ не имѣетъ никакого существеннаго интереса. Можно сказать, что князь Миланъ этою войною лишился послѣдняго расположенія и довѣрія своего народа.

ГЛАВА IV.

Подведя итоги, мы увидимъ, что причины недовольства русскихъ на сербовъ и главнокомандующаго Черняева очень разнообразны; они говорятъ: мы пришли сражаться за Сербію, помогать имъ, а для насъ нѣтъ помѣщенія, кормятъ дурно и не выдаютъ жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ. Сербы спрашиваютъ: зачѣмъ вы пришли, кто васъ звалъ? Не только не впускаютъ къ себѣ въ домъ, но отказываютъ даже въ пріютѣ раненымъ, для нихъ ни подводъ, ни лошадей не было, приходилось тащиться пѣшкомъ, чуть не умирая съ голоду, или отъ истеченія крови и безъ перевязки ранъ. Сами сербы трусы, бѣгутъ и не хотятъ драться, оставляя насъ на произволъ судьбы; стрѣляли въ русскихъ офицеровъ, когда тѣ останавливали ихъ и заставляли идти впередъ. Раненыхъ не только не подбирали, но, требуя денегъ, торговались за выносъ ихъ съ поля сраженія. И это они поступали съ тѣми, которые, бросивъ все, пришли проливать кровь за нихъ. Мы отстаивали каждую пядь земли сербской, и если бы не русскіе, то турки давно бы были въ Бѣлградѣ. Посмотрите вы на этихъ сербовъ, какіе они чистенькіе, какъ будто на парадѣ; мы въ сравненіи съ ними чернорабочіе. Черняевъ, честолюбецъ, неспособный главнокомандующій и администраторъ; иногда къ этому прибавляютъ: хотя самъ по себѣ хорошій человѣкъ. Его штабъ, большею частію, сбродъ всякихъ интригановъ и неспособныхъ людей. Наконецъ, во всей администраціи сербской полный безпорядокъ, и что никакого толку не добьешся. Вообще сыпятся сотни въ высшей степени разнообразныхъ неудовольствій на все сербское; не забудутъ даже упомянуть объ извозчикахъ, которые не желаютъ везти по таксѣ, такъ какъ штабные ихъ избаловали, и про прачекъ, берущихъ за мытье очень дорого. Нѣтъ, будь проклята эта страна, гдѣ насъ не цѣнятъ; мы несчастныя жертвы иллюзіи, навѣянной подлыми журналами, которые не дали намъ яснаго понятія о положеніи страны, и при этомъ,

конечно, сыпали всевозможныя ругательства. Такъ говорили, проклиная свою участь, образованные люди, которые могли бы понимать край, но, представьте себѣ, что же могли чувствовать, говорить и дѣлать люди темные, пріѣхавшіе, зажмуря глаза, постоять за вѣру Христову и помочь братьямъ; эта толпа безъ малѣйшаго понятія о положеніи дѣлъ и страны, куда попала. Они видѣли и приходили къ убѣжденію, что въ Сербіи вездѣ и во всемъ—одно преступленіе, подлость и измѣна.

Всѣ эти обвиненія такъ крупны и представляются такъ чудовищно невѣроятными, что многіе изъ русскихъ могутъ потерять всякую вѣру въ нравственныя качества сербовъ, если только не пожелаютъ про-анализировать причинъ и фактовъ. Нѣкоторые даже не допускаютъ что-либо въ оправданіе, и тогда, конечно, они прійдутъ къ одностороннему заключенію, что мы напрасно помогаемъ этому неблагодарному народу. Что большая часть изъ этихъ фактовъ справедливы—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но должны ли они пасть на Сербію, ея народъ и администрацію? Вотъ вопросъ, который предстоитъ намъ разобрать со всѣхъ его сторонъ. Возможно ли требовать того, чего нѣтъ физической возможности исполнить? Конечно, нѣтъ. Вотъ на этомъ-то камнѣ я и думаю выяснить кое-что въ защиту сербовъ, и, положа руку на сердце, я утверждаю, что считаю главными виновниками несчастій Сербіи и всего страшнаго сумбура въ этой странѣ—главнокомандующаго генерала Черняева и недостатокъ такта и недобропорядочное поведеніе многихъ русскихъ добровольцевъ. Конечно, такое формулированное обвиненіе покажется, можетъ быть, очень смѣлымъ; мы привыкли сваливать всю вину на сербовъ, освоившись съ этою мыслію, благодаря журналамъ, прошедшимъ чрезъ Черняевскую цензуру, и на основаніи изустныхъ разсказовъ людей, не вникнувшихъ въ сущность дѣла и находившихся подъ давленіемъ страшнаго испытанія. Жалобы дѣлались сгоряча, подъ вліяніемъ испытанныхъ неудобствъ, безъ старанія уяснить себѣ причины, вызвавшія всѣ эти печальныя явленія. Княжество Сербія, объявившая войну имперіи Турціи, имѣетъ до $1^1/_2$ милліона жителей, слѣдовательно меньше многихъ нашихъ губерній; между тѣмъ какъ у его врага считается до 25 мил. Значитъ, силы слишкомъ неравныя; это всѣ знали, но не всѣ понимали, что изъ этого могло выйти. Вообразите, если бы Орловская губернія, которая больше Сер-

бін, объявила бы войну Турціи; чтобы вы сказали? Сумашедшій народъ, которому грозитъ вѣрная гибель; что докторъ въ настоящемъ случаѣ дипломатія—должна была предохранить ее отъ необдуманнаго шага. А если бы вамъ сказали, что этотъ народъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно своего здоровья, т. е. средствъ и силъ; вы скажите, что былъ дурной, невѣжественный докторъ; ну, а если вамъ докажутъ, что этотъ больной народъ былъ избранъ ареной для удовлетворенія докторскаго тщеславія, обманутъ ради честолюбія, безъ должнаго консиліума. О, тогда вы согласитесь, что народъ несчастный, пожалѣете его и протянете ему руку помощи; а люди, приведшіе его къ краю гибели, въ вашихъ глазахъ явятся преступными и невѣжественными. Изъ вышеизложеннаго вамъ извѣстно, что княжество Сербія ни въ чемъ не нуждалась, но выступила такъ необдуманно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ рыцарски за угнетенныхъ христіанъ, своихъ собратій Босніи и Герцеговины. Пожалуй, меня тутъ же перебьютъ и скажутъ, что дѣйствительно, сербы, объявивъ сами войну, сдѣлали великодушный поступокъ, но потомъ струсили и не хотѣли продолжать драться; между тѣмъ какъ всему свѣту извѣстно, какъ бились русскіе, запечатлѣвшіе своею кровью до конца преданность идеи. Я и не думаю утверждать что-либо противное, но я хочу доказать, что общая ненависть между нами и ими есть естественный результатъ, какъ между больнымъ и докторомъ, когда послѣдній, не будучи ни хорошимъ психіатромъ, или діагностомъ, привелъ больнаго, по своей самонадѣянности и незнанію, къ гораздо худшему состоянію, чѣмъ онъ былъ. Сербы говорятъ, каковы мы были, таковы и есть; виною—наша слабость и относительная страшная сила противника; мы не знали такой разницы и были введены въ заблужденіе относительно своихъ силъ; когда же, понявъ свою ошибку въ довѣріи къ вамъ и въ свое положеніе, когда мы, лишившись одной руки, хотѣли остановить ампутацію другой, чтобы чѣмъ нибудь кормить нашихъ дѣтей, то вы заставляли насъ насильно продолжать операцію.

Существовало два главныхъ плана войны, оборонительный и наступательный. Планъ кампаніи перваго рода былъ составленъ генералами Алимпичемъ и Захомъ и полковникомъ Николичемъ, бывшимъ военнымъ министромъ. Я слышалъ, что планъ этотъ былъ представленъ сербскому министерству Андреевичемъ (Османъ Беемъ). Этотъ послѣдній полу-славянинъ, полу-турокъ, сынъ поляка и тур-

чанки, воспитывался въ военномъ училищѣ, въ Константинополѣ, служилъ въ генеральномъ штабѣ въ Турціи, но, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, бѣжалъ оттуда, женился на сербянкѣ и поселился въ Бѣлградѣ. Его сочиненія о Востокѣ, преимущественно о Турціи, въ переводахъ съ французскаго, были помѣщены въ нашихъ журналахъ. Предполагалось, ведя войну оборонительную при Алексинацѣ и Зайчарѣ, дѣйствовать главными силами наступательно при Ново-Варошѣ и Базарѣ, чтобы соединиться съ черногорцами, запереть Боснію и Герцоговину. Отрѣзать такимъ образомъ эти двѣ страны отъ Турціи и произвести въ нихъ полное возстаніе. Сторонники этого плана полагали, что успѣхъ поднялъ бы духъ милиціи, какъ неудача могла бы скоро деморализировать; отрѣзанные турки безъ провіанта могли бы быть вскорѣ заперты и побѣждены и сербы, при горной войнѣ, не понесли бы столь значительныхъ потерь отъ превосходства турецкаго оружія. Покончивши съ турками въ Герцоговинѣ и Босніи, войска могли бы стать въ оборонительное положеніе на сербской границѣ. Но генералъ Черняевъ стоялъ за наступательныя дѣйствія во всѣхъ пунктахъ расположенія арміи. Онъ ввелъ въ заблужденіе сербовъ относительно ихъ силъ; его мнѣніе, какъ военнаго авторитета, восторжествовало, и войска двинулись на Нишъ. А потому, какъ большая часть славы при удачѣ пала бы на него, такъ теперь я признаю его почти единственнымъ и главнымъ виновникомъ за весь этотъ плачевный исходъ кровавой бойни. Чтобы не заподозрили меня въ недостойномъ намѣреніи бить лежащаго, я поспѣшу теперь оговориться. До прибытія въ Сербію, я питалъ къ М. Г. Черняеву безграничное уваженіе; будучи самъ военный по образованію, я цѣнилъ и видѣлъ въ немъ храбраго офицера, хорошаго стратега и тактика, отличнаго человѣка и способнаго администратора. Взятіе имъ Ташкента и въ особенности умѣніе и тактъ обращаться съ покоренными туземцами, которые не только его боялись, но передъ нимъ благоговѣли, утвердило во мнѣ понятіе о Черняевѣ какъ о личности во всѣхъ отношеніяхъ недюжинной. Я былъ подписчикъ только „Русскаго Міра“, хотя мнѣ не нравились постоянныя его нападки на военное министерство за преобразованія въ арміи. Этимъ реформамъ я вполнѣ сочувствовалъ и привыкъ уважать главу министерства. Пессимизмъ Черняева я оправдывалъ желчнымъ и раздражительнымъ его состояніемъ, вслѣдствіе несправедливо оставленнаго

не у дѣлъ, при полной способности къ высокой дѣятельности и къ труду. Кто истинный виновникъ разладицы, этого я никакъ не могъ себѣ уяснить. Читая съ жадностію 3—4 газеты въ день, имѣвшихъ почти въ унисонъ, я, да и всѣ мы въ Россіи, находились въ какой-то иллюзіи относительно дѣяній генерала Черняева и вообще сербскихъ дѣлъ. Кажущеюся непатріотичностію статей „Голоса“ я былъ возмущенъ до глубины души, читалъ эту газету съ омерзеніемъ, только изъ любопытства, а почтеннаго его редактора чуть не считалъ за измѣнника общему дѣлу. Мы дотого увлеклись чувствомъ состраданія къ угнетеннымъ христіанамъ, что жили только сердцемъ, и не были способны все взвѣсить и разсуждать. Изъ чувства народнаго самолюбія, впрочемъ совершенно понятнаго, намъ, русскимъ, пріятно было видѣть, что во главѣ не только славянскаго движенія, т. е. спеціальнаго интереса, но всемірнаго протеста христіанъ противъ мусульманскаго варварства, гнета и деспотизма—стоитъ русскій. Не только Черняевъ, который знакомъ былъ нашему обществу, какъ по Туркестанскому краю, такъ и какъ редакторъ газеты „Русскій Міръ“, оппозиціонной военному министерству,—но и всякой другой, менѣе популярный генералъ былъ бы поставленъ вдругъ на пьедесталъ славянскаго Гарибальди; ни качествъ, ни недостатковъ его мы хорошо не знали. Слава его была продуктъ нашего собственнаго восторженнаго, наэлектризованнаго состоянія; намъ нуженъ былъ кумиръ. А разъ кумиръ воздвигнутъ сердцемъ, а не разумомъ, мы крѣпко держимся за него и не въ состояніи хладнокровно анализировать. Разъ люди находятся не подъ вліяніемъ разума, а чувства какого бы то ни было,—всѣ чувства, вытекая изъ одного общаго источника, дѣйствуютъ по однимъ законамъ, и никакая критика даже посторонняго человѣка намъ не поможетъ уяснить себѣ предметъ нашего заблужденія. Всякое противорѣчіе раздражаетъ; мы закрываемъ глаза и уши, не вынося разоблаченія нашего идеала, какъ это было съ нами, читая „Голосъ“ и др., разоблачавшія и показывавшія намъ другую сторону медали; мы протестуемъ, какъ смѣть свое сужденіе имѣть, какъ это сдѣлало Орловское интелигентное общество, торжественно заявившее о нежеланіи быть подписчиками этого журнала. Не правда ли, что это выходитъ по-женски. Попробуйте сказать женщинѣ что нибудь дурное о томъ, кого она уже успѣла полюбить, когда она какъ въ чаду, въ любовномъ состояніи,

гдѣ бѣдная ея головка отъѣзжаетъ на второй планъ. Эту тактику частенько принимаютъ въ помощь, когда желаютъ замѣнить; но вы жестоко ошибетесь, этотъ маневръ никогда и не къ чему не поведетъ. Вамъ способны отвѣтить: что хорошо, я согласна, что онъ или она имѣетъ эти недостатки, даже преступенъ, но, все-таки, я буду его любить, хотя бы онъ былъ даже разбойникъ. Спрашиваю васъ, что вы сдѣлаете, видя человѣка въ такомъ опьяненіи любовнаго экстаза? Сложите скрѣпя сердце ваши доводы и будете ожидать съ нетерпѣніемъ развязки дѣла. Почти такъ случилось и со мною; я помню, до поѣздки моей въ Сербію, когда только начинали говорить что нибудь дурное о Черняевѣ, меня уже раздражало, какъ будто этимъ задѣвали мои самыя чуствительныя живыя струны. Я отвѣчалъ и отпарировывалъ удары всегда съ волненіемъ. Но, Боже мой! Мнѣ достаточно было пробыть два мѣсяца съ половиною въ Сербіи, чтобы совершенно перемѣнить взглядъ на все сербское дѣло. Что называется, все перевернулось. Въ настоящее время я видѣть не могу „Русскаго Міра“ и начинаю привыкать къ „Голосу“, который у меня сталъ голосомъ правды. Генералъ Черняевъ слетѣлъ съ моего пьедестала, какъ тифонъ отъ мѣтко пущеннаго ядра. Я соглашусь со всѣми, что онъ, можетъ быть, олицетвореніе храбрости, честности и доброты. Но, уже на послѣднее я ставлю сильныя, большія скобки, такъ какъ доброта у администратора, безъ сильной воли и образованнаго ума, является порокомъ, который, вмѣстѣ съ неизмѣрнымъ честолюбіемъ и тщеславіемъ, служитъ источникомъ всякихъ неурядицъ и зла. Въ настоящее время я смотрю спокойно, безъ увлеченія, какъ послѣ хорошей холодной души; уже призма совершенно иная. Я вижу, что взятіе Ташкента ослѣпило Черняева. (Покореніе средне-азіятскихъ городовъ болѣе представляетъ трудности въ совершеніи похода по степи, нежели во взятіи самаго города. Случается такъ: пробьютъ артиллеріей толстыя стѣны въ нѣсколькихъ мѣстахъ и войска идутъ на приступъ, а азіятцы, покоряясь волѣ Аллаха, какъ истыя фаталисты, становятся на колѣни, прося прощенія). Онъ получилъ преувеличенное понятіе о своихъ способностяхъ; непризнаніе ихъ со стороны начальства раздражало его и, оставивъ прегражденную дорогу въ Россіи, судьба манила его въ Сербію съ розовыми надеждами на успѣхъ. Самонадѣянность, какъ извѣстно, удѣлъ невѣжества, соединялось въ немъ со страшнымъ честолюбіемъ и тще-

славіемъ, доходящими до болѣзненности. Изъ-за своихъ личныхъ дѣлей онъ рѣшился поставить на карту существованіе маленькой Аркадіи. Какъ французы, вслѣдствіе глубокаго своего невѣжества и незнанія Пруссіи, обѣщали быть на пятый день въ Берлинѣ, такъ и Черняевъ обѣщалъ писать своимъ пріятелямъ, какъ говорятъ, чрезъ два мѣсяца изъ Константинополя. Голова его кружилась отъ перспективы однимъ ударомъ поразить враговъ и друзей неожиданностію. „Выгоритъ дѣло и я попаду въ исторію, какъ Славянскій Вашингтонъ". Впрочемъ, кѣмъ исторія будетъ написана... если съ нашихъ журналовъ, то отведутъ ему и всѣмъ русскимъ блестящую страницу; но если, на грѣхъ, историкъ будетъ сербъ, то не сдобровать намъ всѣмъ русскимъ, посылавшимъ гроши, людей, обманутыхъ газетами, и поджигавшимъ къ непосильному сопротивленію. Я и многіе изъ насъ ѣхали въ Сербію тоже, чтобы попасть въ исторію; сдѣлалъ даже духовное завѣщаніе въ полной надеждѣ отправиться на тотъ свѣтъ въ погоню за этимъ счастіемъ; но, что называется, сорвалось; отдѣлался отъ славянскаго вопроса вызовомъ стрѣляться двухъ интригановъ и, разочарованный неуспѣхомъ, попалъ въ протоколъ. Пожалуй скажете, что счастья не было, а на войнѣ, какъ извѣстно, оно играетъ не послѣднюю роль. Положимъ, я одинъ изъ тѣхъ, которые признаютъ этотъ факторъ въ жизни; но въ побѣдѣ требуются и другія несомнѣнныя условія. Великій Суворовъ говаривалъ: „Помилуй Богъ все счастье, да счастье, а когда же умѣнье? Надѣйся на Бога, да самъ не плошай". Вотъ этого-то всего и не было въ генералѣ Черняевѣ. Планъ Черняева былъ разсчитанъ, что Болгарія возстанетъ, что полковникъ Лѣшанинъ будетъ удерживать турокъ со стороны Видднна, что генералъ Алимпичъ двинется во внутрь Босніи, а Захъ запретъ Герцеговину. Какъ видите, все разсчитано на авось, на удачу. Почему должно было быть такъ, какъ мечталъ Черняевъ, а не иначе? Не входя въ подробную критическую оцѣнку этихъ двухъ плановъ съ стратегической точки зрѣнія, я долженъ однако сказать, что способный полководецъ обязанъ дѣйствовать безъ увлеченія, сознательно, отдавая себѣ отчетъ въ каждомъ шагѣ. Для главнокомандующаго недостаточно знать одни законы тактики; это только есть канва, на которой умѣнье и способность выдѣлываютъ различныя фигуры; полководцу не такъ важна личная храбрость, сколько нужно быть просвѣщеннымъ, образованнымъ человѣкомъ, способнымъ взвѣсить

всѣ обстоятельства; не помню кто-то изъ римскихъ полководцевъ говорилъ: „Чтобы лучше бить своего врага, необходимо умѣть его оцѣнить“. Необходимо знать моральное и матеріальное состояніе своего противника такъ же хорошо, какъ своихъ, а не идти очертя голову, надѣясь на счастье. Какъ хорошему юристу недостаточно держать въ своей головѣ въ систематическомъ порядкѣ всѣ томы законовъ, а необходимо знать примѣнить эти законы и ходить между ними, какъ у себя дома, чтобы въ моментъ съумѣть отпарировать ударъ противника, такъ и полководцу необходимо знать какъ себя, такъ и врага, съ которымъ ему придется дѣйствовать, и примѣнять тактику къ мѣстности и людямъ. Нельзя слѣдовать вездѣ общимъ законамъ; иногда необходимо соображаться съ обстоятельствами, не теряя руководящей нити, играть что называется варіаціи на одну и ту же тему. Поддѣлываемся же мы иногда къ человѣку, котораго почему нибудь желаемъ привязать къ себѣ; настолько же нужно имѣть моральной силы и умѣть согласоваться съ народомъ или войскомъ. Что идетъ къ нѣмцамъ, то можетъ быть непримѣнимо къ французамъ, что было пригодно съ русскими въ Ташкентѣ, того нельзя было примѣнить къ сербской милиціи. Послѣдніе традиціонно вели войну оборонительно, держались и имѣли успѣхъ. Защищать храбро свой домъ не тоже самое, что идти на бывшихъ своихъ повелителей и выгонять ихъ въ Азію. Сербы говорятъ ему: у насъ нѣтъ регулярной арміи, оружія, обоза и санитарнаго отдѣла; у насъ нѣтъ интендантства и перевозочныхъ средствъ; наконецъ, мы не имѣемъ офицеровъ, способныхъ руководить наступательными дѣйствіями. Пустое,—ничего этого не надо; армія ваша хороша, вы сами не знаете своихъ силъ. Нѣсколько сотъ русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ—и все дѣло въ шляпѣ. Я покажу вамъ небывалый примѣръ—съ мужиками разнесу имперію, которая когда-то приводила въ трепетъ всю Европу! Нельзя допустить, чтобы офицеръ генеральнаго штаба и такой боевой офицеръ, какъ Черняевъ, не зналъ, что турки отлично вооружены и что низамы, въ особенности арабистанскіе баталіоны, хорошія войска, и что только русскимъ, да и кавказскимъ солдатамъ было въ пору справляться съ ними. Турки на всѣхъ пунктахъ были въ тѣхъ же превосходныхъ, противъ Сербіи, силахъ, какъ и на Моравѣ. Ведя оборонительную войну и оперируя въ Босніи и Герцеговинѣ, сербы съ помощію черногорцевъ могли бы отбить эти провинціи и продер-

жаться дольше, не понесл такого чувствительнаго урона, неизбѣжнаго при наступательныхъ дѣйствіяхъ. Протежируемая при этомъ Николичемъ система партизанской войны, не ставивъ все въ ва-банкъ, могла бы принести чувствительный вредъ турецкой арміи. Но всѣмъ этимъ генералъ Черняевъ пренебрегъ, ему казалось недостаточнымъ помочь уже цѣлый годъ боровшимся инсургентамъ Босніи и Герцеговины; нужно было поднять Болгарію и разрушить имперію османовъ. Онъ игнорировалъ тотъ фактъ, что вести партизанскую войну въ почти сплошь нагорной Герцеговинѣ и Черногоріи не тоже самое, что устроивать правильныя баталіи въ Болгаріи, хотя и гористой, но представляющей возможность дѣйствовать большими массами войскъ и артиллеріи, при народѣ трудолюбивомъ. Возможность поднять всю Болгарію на ноги ни на чемъ не была разсчитана; изъ исторіи всѣхъ революцій намъ хорошо извѣстно, что народная масса съ трудомъ подымается вездѣ и при болѣе лучшихъ условіяхъ для борьбы, чѣмъ страна со всѣхъ сторонъ окруженная турками и черкесами, безъ оружія и застращенная турецкимъ извергствомъ. Что же было порукой за успѣхъ возстанія? Не прокламація-ли генерала Черняева, что Россія прійдетъ на помощь и что казаки растопчутъ Турцію копытами своихъ коней? Болгары хорошо понимали, что это только обѣщанія и что на помощь можно было-бы только тогда разсчитывать, когда русскія войска были-бы въ дѣйствительности въ предѣлахъ Болгаріи. Они сдѣлали опытъ и заплатили дань въ 60,000 жертвъ. Спрашивается-чего еще больше? Неужели нужно было еще продолжать дальше, послѣ такого удачнаго дебютированія. Я не могу понять, какъ можетъ еще ворочаться языкъ въ упрекъ этому безоружному, несчастному народу, поставленному въ сто кратъ худшія условія жизни, чѣмъ всѣ другія страны, подвластныя турецкому правительству. Какъ видимъ, Черняевъ не имѣлъ никакихъ основаній на успѣхъ возстанія, идя въ разрѣзъ съ компетентными мнѣніями сербскихъ вождей. Онъ предлагалъ свой планъ дѣйствій, не имѣя подъ собою никакой почвы. На основаніи чего же они уступили ему и согласились на его планъ кампаніи? На это я могу сказать только одно, что слава героя Ташкента бѣжала впереди главнокомандующаго, а авторитетъ Россіи шелъ позади, по стопамъ его. Вся Россія, не отдавая себѣ отчета, увлекалась Черняевымъ и это увлеченіе незамѣтно перешло на сербовъ. „Да въ правѣ-ли мы ему не довѣрять? го-

ворили они,—когда вся Россія такъ увѣрена въ немъ; а если мы не согласимся? Не потеряемъ-ли мы сочувствія нашего всесильнаго и единственнаго протектора? Нѣтъ, что будетъ, то будетъ, а мы сдадимся на предложенія генерала, болѣе насъ ясновидящаго". Дѣлая общій выводъ изъ очень часто разнорѣчивыхъ показаній о ходѣ сраженій моравской арміи, я пришелъ къ такому заключенію, что главнокомандующій дѣлалъ не только безтолковыя распоряженія, но что генералъ очень часто не зналъ расположенія своихъ войскъ и терялся въ своихъ распоряженіяхъ во время боя. Послѣднее происходило не отъ недостатка хладнокровія; нѣтъ, самые ярые враги его признаютъ за нимъ храбрость; но просто отъ неумѣнія обращаться съ большими массами. Черняева по цѣлымъ недѣлямъ не видѣли на позиціяхъ, которыя укрѣплялись кое-какъ, и войска деморализованныя не осматривались и не были воодушевляемы. Онъ не съумѣлъ ихъ привязать и вызвать въ нихъ не только эптузіазмъ, но простое довѣріе; все, что писалось о сочувствіи войскъ къ главнокомандующему—чистѣйшая выдумка. Послѣ пораженія при Дьюнишѣ онъ и другіе русскіе могли только опасаться за свою жизнь; да мы и увидимъ, что иначе и быть не могло. Сражались безъ всякой системы, кто что хотѣлъ, то и дѣлалъ; никто не чувствовалъ, что кто-то управляетъ, что поддержатъ во время, что слѣдятъ за ходомъ сраженія. Во время боя на Креветѣ, съ 7-ми часовъ утра, Черняевъ явился на позицію уже къ концу дѣла, почти къ вечеру. Онъ зачастую мѣнялъ командировъ частей передъ самымъ сраженіемъ, безъ всякой видимой причины, такъ что солдаты не знали своихъ начальниковъ. Разбивалъ бригаду такимъ образомъ, что баталіоны оказываются въ разныхъ мѣстахъ и командиръ оставался совсѣмъ безъ своей части; такъ было съ бригадой Петерсона передъ боемъ на Креветѣ. Вводя въ дѣло всѣ войска и не оставляя, вопреки тактики, резерва, онъ не могъ послать подкрѣпленіе тамъ, гдѣ нуждались. А такъ какъ угадать движеніе противника ему совершенно неудавалось, то турки, очень ясно, гдѣ хотѣли, тамъ и могли прорваться. Переходъ съ праваго берега Моравы на лѣвый и взятіе Дьюниша было для него сюрпризомъ. Турецкій главнокомандующій, увидавъ, что сербы хорошо укрѣпились на правомъ берегу Моравы подъ Алексинацемъ и ничего не сдѣлали на лѣвомъ, сначала попробовалъ съ праваго—взять его высоты, а затѣмъ неожиданно для Черняева перешелъ на другую сторону, занялъ луч-

шія позиціи и сдѣлалъ такимъ образомъ шахъ, а матъ уже вышелъ на Дьюнишѣ. Въ послѣднемъ дѣлѣ, турки сначала сдѣлали демонстрацію на правый флангъ сербской арміи, между тѣмъ обрушились всею своею массою на лѣвый флангъ у Моравы и взяли Любишъ, ключъ позиціи, гдѣ стоялъ только одинъ баталіонъ съ новымъ командиромъ. Подъ напоромъ нѣсколькихъ тысячъ турокъ батарея снялась и сербы немедленно бѣжали. Послѣ взятія Любиша, паденіе Дьюниша было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, такъ какъ турецкія войска, занявъ первую позицію, немедленно направили на эту высоту огонь и затѣмъ энергическую атаку. Паника была ужасная и пораженіе полное, никто не думалъ отстаиваться, такъ какъ никто не ожидалъ такихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны турокъ. Позиція на Дьюнишѣ такъ хороша, что если-бы она была хорошо укрѣплена и защищена не горными орудіями, каковыя большею частію на ней были, то могла-бы быть неприступною.

Я предвижу возраженіе, а именно: откуда взять войска, чтобы отдѣлить въ резервъ; турки вездѣ и на всѣхъ пунктахъ были чуть не втрое сильнѣе, и боевая линія, гдѣ рѣшалась судьба Сербіи, т. е. на Креветскихъ и Дьюнишскихъ высотахъ, была чрезвычайно растянута и слѣдовательно укрѣпить ее хоть какъ-нибудь не было никакой возможности. Вышесказанное замѣчаніе вѣрно, но значитъ, что стратегическія соображенія турецкаго главнокомандующаго были такъ относительно Черняевскихъ высоки, что первый зналъ всѣ слабыя позиціи сербовъ, вводилъ Черняева втупикъ насчетъ своихъ намѣреній и заставлялъ принимать сраженіе не тамъ, гдѣ хотѣлось-бы Черняеву, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по разсчету Абдулъ-Керима, ожидался непремѣнный успѣхъ, т. е. заставлялъ плясать танецъ смерти по своей дудкѣ. Малочисленность сербской арміи тутъ непричемъ, этотъ фактъ имѣлся въ виду еще до начала кампаніи. Дальше, Черняевъ, отдавая самимъ неожиданнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ позиціи, въ тоже время настойчиво порывался вернуть ихъ и посылалъ войска отбивать съ громадными потерями для себя. Послѣдняго я положительно не понимаю, какимъ образомъ Черняевъ могъ разсчитывать на успѣхъ? Если турки были такъ сильны, что могли брать великолѣпныя чуть ни неприступныя позиціи, то какимъ же образомъ онъ могъ разсчитывать взять ихъ обратно, когда турки, слѣдуя своей системѣ, тотчасъ возводили отличныя укрѣпленія, и за ними держались стойко; между тѣмъ, эти неудачи стоили страш-

ныхъ жертвъ и еще болѣе деморализировали армію. Три послѣдующіе дня, за взятіемъ Кревета турками, русско-сербская бригада Меженинова и русско-болгарскій баталіонъ гр. Коновницина ходили въ числѣ прочихъ сербскихъ войскъ въ атаку отбивать позиціи, но безуспѣшно. Между тѣмъ изъ 1,100 человѣкъ бригады осталось въ живыхъ только 350 человѣкъ. Впрочемъ, я не пишу исторію этой войны, я стараюсь схватить и изложить общій выводъ, что называется подвести хоть какіе-нибудь итоги, въ болѣе или менѣе популярной формѣ изложенія; чтобы дать хоть какое-нибудь понятіе о способностяхъ главнокомандующаго, какъ тактика и стратега. А потому я не буду распространяться о ходѣ сраженія, такъ какъ перепетіи борьбы дотого сложны и не подвержены общимъ опредѣленнымъ законамъ, что представляютъ обширный вопросъ, гдѣ вывести какое-либо опредѣленное заключеніе является совершенно невозможнымъ да и не подходящимъ къ нашей темѣ. Мнѣ, пожалуй, скажутъ, что только одна подробная исторія сраженій можетъ опредѣлить его какъ стратега и тактика и насколько онъ виноватъ въ неудачѣ. Нѣтъ! Съ этимъ я не согласенъ. Ни одна исторія не можетъ вамъ сказать положительнаго и неопровержимаго. Каждый фактъ можно толковать съ различныхъ сторонъ; если иногда буквально опредѣленная статья закона толкуется лучшими адвокатами такъ или иначе при двухъ единичныхъ интересахъ, какъ же получить вѣрные взгляды историковъ, смотрящихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ дѣлѣ, зависящемъ отъ многихъ условій, гдѣ исходъ иногда зависитъ отъ случая, который самый тщательный и добросовѣстный историкъ можетъ легко не выставить, упустивъ изъ виду. Лучше всего судить по результату; дѣло проиграно, а это значитъ что всѣ планы и распоряженія были ошибочны. Мнѣ кажется, что тамъ, гдѣ достаточно было-бы сказать: шагомъ, маршъ! — Черняевъ былъ-бы на мѣстѣ; онъ былъ-бы отличный полковой командиръ и хорошій начальникъ дивизіи, т, е. тамъ, гдѣ не требовалось бы отъ него тактическихъ и стратегическихъ соображеній, а только личная храбрость, доброта и честность, способныя увлечь за собою солдатъ, зажмуря глаза, въ огонь и воду. Даже, если хотите, онъ могъ бы быть хорошимъ корпуснымъ командиромъ, но непремѣнно съ условіями—въ хорошей благоустроенной арміи и съ надежнымъ начальникомъ штаба. Быть же тѣмъ и другимъ, а также администраторомъ—это положительно не его дѣло. Жалова-

лись на то, что штабъ Черняева состоялъ изъ людей неспособныхъ къ военному дѣлу и дѣлавшихъ всевозможныя злоупотребленія. На этотъ злополучный штабъ сыпались сотни обвиненій. Начальникъ штаба полковникъ Комаровъ не дѣлалъ должныхъ рекогносцировокъ, напр. лѣваго берега Моравы, куда перешли турки послѣ шестидневнаго боя подъ Алексинцомъ. Во время самыхъ сраженій часто штабные не раздавали приказаній. При штабѣ состояло около 60 человѣкъ, какъ будто при громадной 200 т. арміи, между тѣмъ, между ними не было распредѣлено отправленій обязанностей; существовалъ общій безпорядокъ, суета и толкотня; къ главнокомандующему арміи ходили за разными пустяками, чтобы получить оружіе, деньги и т. п. Въ израсходованіи суммъ не было никакого порядка; кто прійдетъ, попроситъ, тотъ и получалъ; болѣе совѣстливый терпѣлъ, а понахальнѣе жилъ припѣваючи. Жалованье одни получали, другіе нѣтъ. Во время, когда раненые моравской арміи шли сотни верстъ пѣшкомъ, безъ денегъ, чуть не умирая съ голоду, штабные, кромѣ большого жалованья, получали большія деньги на парадную обмундировку, кутили и заводили большую игру въ кофашахъ. Многіе жаловались, что кресты и медали не даютъ по заслугамъ; очень часто раненые и искалѣченные не получали, а небывшіе въ дѣлѣ увѣшаны орденами. Даже нѣкоторые больные, удрученные предосудительною болѣзнію, получали Такова или медали изъ самыхъ хорошенькихъ ручекъ княгини Наталіи. Вообразите сарказмъ и насмѣшки добровольца, картинно разсказавшаго ей о своемъ увѣчьи на полѣ битвы во имя славянскаго единства. Разъ одинъ добровольцъ больной, но не раненый, прямо изъ госпиталя поѣхалъ къ Черняеву и вернулся съ деньгами и Такова. Утверждали даже, что всѣ эти ордена можно было пріобрѣсти за очень сходную цѣну—нѣсколько дукатовъ; будто бы даже существовали патенты, подписанные уже предварительно генераломъ Черняевымъ, стоило только вставить въ пробѣлъ фамилію и кавалеръ готовъ. Всѣ эти и многія другія обвиненія я передаю, какъ общій говоръ въ Сербіи, нисколько не принимая на свою совѣсть утверждать ихъ неоспоримость и давать полную вѣру этимъ иногда противорѣчивымъ сказаніямъ. Достовѣрно только то, въ чемъ я убѣдился изъ собственнаго столкновенія съ генераломъ Черняевымъ, что безпорядокъ существовалъ въ его штабѣ въ большихъ размѣрахъ. Положимъ, Комаровъ виноватъ, такъ какъ знать мѣстность, гдѣ пред-

стоитъ дѣйствовать, лежитъ на обязанности начальника штаба, но и Черняеву непростительно не удостовѣриться о такомъ фактѣ, который могъ поставить удачу и неудачу цѣлаго ряда битвъ на вѣсы Фемиды. Въ защиту его говорятъ, что онъ слишкомъ довѣрчивъ, деликатенъ и добръ; не спорю, все это можетъ быть и правда; съ перваго же моего свиданія съ нимъ я заключилъ, что онъ одинъ изъ деликатныхъ и симпатичныхъ личностей, способныхъ сразу расположить, такъ сказать, сразу задобрить къ себѣ. Но я понимаю доброту и довѣрчивость дать деньги взаймы, а потомъ обмануться въ своемъ должникѣ; но не тамъ, гдѣ его личный взглядъ—есть авторитетъ въ разныхъ перипетіяхъ сраженія, гдѣ онъ является главнымъ и отвѣтственнымъ лицомъ за весь исходъ дѣла. Выборъ лицъ принадлежалъ ему безконтрольно и онъ этимъ пользовался нельзя сказать чтобы сдержанно; почему же онъ не замѣчалъ и не исправлялъ? Доброта-ли, деликатность или близорукость тому причиной—я не берусь судить; можетъ быть все вмѣстѣ съ примѣсью тщеславія. Желаніе заставить о себѣ говорить во что бы то ни стало, какихъ-бы жертвъ со стороны другихъ это ни стоило—вотъ его вина. Всѣ литераторы, люди со связями, денежныя, у него въ силѣ, свои люди; кто можетъ о немъ кричать, тотъ его человѣкъ. Тотъ же, кто сколько-нибудь попробовалъ-бы уменьшить его славу или раздѣлить ее съ нимъ, того онъ не только не выдвигалъ, а напротивъ, самъ не прочь поинтриговать и по возможности не давать ходу. Дѣло у него отодвигается передъ собственнымъ я; онъ не есть ярый сторонникъ идеи, какъ Кирѣевъ, Раевскій, Новоселовъ и нѣкоторые другіе, которымъ лично ничего не нужно было отъ Сербіи; они жертвовали собою ради торжества славянскаго и христіанскаго дѣла; для Черняева же Сербія являлась обѣтованной землею, долженствовавшей поставить его на ноги. Вышеупомянутыя мною лица не поѣхали бы сражаться за какое-либо другое дѣло, а Черняевъ—хоть къ Донъ-Карлосу, если-бы онъ пригласилъ постоять во главѣ арміи за его право. Русскіе добровольцы служили для него якоремъ спасенія, а литература была къ его услугамъ для поддержанія его ореола и чтобы вызвать усиленное движеніе изъ Россіи. Газеты, за малымъ исключеніемъ, почему-то пѣли складно и извращали событія до такой степени, что съ трудомъ отличали побѣды отъ пораженія и придавали значеніе обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого значенія. Напримѣръ, дѣло при

Бабиной главѣ, представленное нашими журналами значительной побѣдой, оказалось обыкновеннымъ горячечнымъ движеніемъ арміи, гдѣ турки не представили никакихъ серьезныхъ затрудненій. Шестидневныя непрерывныя побѣдоносныя битвы подъ Алексинцомъ, о которыхъ говорилось въ нашихъ реляціяхъ: „что турки, понеся значительныя потери, были отброшены на лѣвый берегъ Моравы“, оказываются ловкимъ маневромъ Абдулъ-Керима. Взятіе какой-нибудь кулы или уничтоженіе моста, существованіе и полезность котораго для турецкой арміи было подвержено сильному сомнѣнію и спору, описано такъ красно и много, какъ будто отъ него зависѣлъ исходъ сраженія. Черняевская цензура и отчасти редакторы извращали событія не согласно факту, а своему взгляду. Я спрашивалъ заподозрѣнныхъ мною въ этой фабрикаціи корреспондентовъ, зачѣмъ это они дѣлаютъ? Но изъ тщательныхъ разспросовъ услышалъ, что они пишутъ по совѣсти, но что ихъ корреспонденціи до такой степени передѣлываютъ въ редакціи, что они съ трудомъ могутъ узнавать свои статьи. При этомъ даже узналъ, о ужасъ! что неумолимые изъ нихъ подвергаются сильному гоненію со стороны генерала Черняева. Такъ мнѣ извѣстно, что г-жу Канрову, корреспондента „Новаго Времени“, приводившую въ ярость главнокомандующаго своими статьями и мнѣніями, онъ хотѣлъ выслать изъ Сербіи. Къ счастію, военное время и различные доводы свободолюбиваго генерала оказались безсильными, пришли на помощь конституція страны и Ристичъ. Я понимаю, возможно не пропускать все то, что хоть косвенно можетъ уяснить планъ и намѣренія главнокомандующаго или уменьшать потери людей, чтобы этимъ не деморализировать сразу народъ. Впрочемъ, съ этимъ послѣднимъ доводомъ я не согласенъ; я стою за правду вездѣ и во всемъ; необходимо, чтобы народъ шелъ сознательно на дѣло, которое онъ считаетъ святымъ; чтобы жертвы не только не убивали-бы его энергію сопротивляться, а напротивъ, не обманутый, а сознательно, съ увлеченіемъ несъ свой крестъ. Тогда этотъ народъ—сила, способная за себя постоять. Такъ было въ Сербіи во время войнъ за независимость, такъ было вездѣ, и въ Россіи, въ годины бѣдствій, въ 1612 и 1812 годахъ. Дѣло ненадежно, если оно основано на обманѣ или извращеніи фактовъ и если необходимо поддерживать борьбу только создавая небывалое положеніе вещей, вводя въ заблужденіе не только сербовъ, но и русское общество. Съ какою цѣлью это дѣлалось? Вѣ-

роятно, чтобы высказать сочувствіе общества этому святому дѣлу и склонить правительство, согласно этому, выступить ни перомъ, а мечемъ на защиту угнетенныхъ. Мнѣ скажутъ, что жертвы необходимы, что безъ нихъ человѣчество не двигалось-бы впередъ. Съ этимъ я согласенъ, но жертва жертвамъ рознь; эта несчастная Сербія искупила свое рыцарское увлеченіе слишкомъ дорогою цѣною,— раззореніемъ и нищенствомъ почти третьей части всего населенія. Желаніе нашего народа помочь имъ могло бы быть выражено правительству адресами отъ земствъ, сословій, а также христіанскихъ угнетенныхъ народовъ. Вотъ вамъ и результатъ всей Черняевской тактики и обнадеживанія на немедленную помощь Россіи. „Вся Россія за вами! Казаки растопчутъ копытами своихъ коней всю Турцію!“ восклицаетъ онъ въ своихъ воззваніяхъ. Неправда ли, умѣстный сарказмъ?

Въ послѣднее время, въ обществѣ слышишь иногда саркастическія замѣчанія относительно побывавшихъ въ Сербіи. Одинъ очень почтенный, уважаемый мною человѣкъ спросилъ меня: „Зачѣмъ вы поѣхали въ Сербію? Вы не пьете, въ карты не играете, хорошей фамиліи и имѣли дѣло“. А одна старушка удивлялась, какимъ образомъ я могъ снизойти до того, чтобы сдѣлаться инсургентомъ. Вотъ вамъ и у насъ есть plus turquofiles que les turques mêtne (болѣе туркофилы, чѣмъ сами турки). Оттоманское правительство, я думаю, никогда не подозрѣвало, что въ Россіи могли явиться такіе взгляды. Большая часть подобныхъ людей мѣняютъ свои мнѣнія, какъ флюгера, поворачиваемые по вѣтру; сегодня они бранятъ все то, чѣмъ вчера восторгались; бранятъ они голо, поверхностно, не зная хорошо фактовъ. Подобная критика, правда, безобидная, скользящая, такъ же какъ и восхваленіе, ни на чемъ серьезномъ не основанное, меня, однако, сильно возмущаетъ. Я могу быть оскорбленъ единичнымъ и распущеннымъ поведеніемъ многихъ добровольцевъ, но въ тоже время цѣнить ихъ заслуги по достоинству. Впрочемъ, ихъ поведеніе меня особенно не поражаетъ. Это есть продуктъ нашего русскаго времени, нашего народнаго состоянія. Это кость отъ костей нашихъ. Я въ этихъ добровольцахъ вижу, какъ въ зеркалѣ, отраженіе нашей общей духовной и матеріальной нищеты. Тоже повальное пьянство, тоже невѣжество, развращенность и общій недостатокъ воспитанія. Между ними вы очень часто найдете людей умныхъ,

свѣдущихъ и развитыхъ, такъ же какъ и въ лучшемъ русскомъ обществѣ. Вы замѣтите свѣтскую полировку и образованіе, но при этомъ вездѣ и во всемъ отсутствіе воспитанія и уваженія къ законности. Пройдите вы по деревнямъ въ воскресенье и даже будничные дни, потолкайтесь въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ между городскими жителями въ Россіи и между добровольцами въ Сербіи и вы не замѣтите въ ихъ выходкахъ никакой разницы; все тѣ же крестьяне, мѣщане купцы и дворяне. Изъ нихъ выдавались особенные любители алькоголя: напьются въ Петербургѣ или Москвѣ, ѣдутъ пьяные по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, русскимъ и заграничнымъ, идутъ полупьяные на позицію и были случаи, что такими же попадались въ плѣнъ. Такъ Абдулъ-Керимъ прислалъ обратно нѣсколько человѣкъ, захваченныхъ пьяными и спящими на Дьюнишѣ; впрочемъ, забрести на турецкую позицію было иногда возможнымъ и для трезваго человѣка, такъ какъ пересѣченная мѣстность и дурное содержаніе пикетовъ у обѣихъ сторонъ легко могли привести къ ошибкѣ. Сырость, холода, грязь и непмѣніе теплой одежды безъ бараковъ и палатокъ тоже не мало располагали къ пьянству на позиціи. Оставалось единственнымъ утѣшеніемъ подогрѣть и накачаться сливовицей, такъ какъ холодная и сладковатая она была противна русскимъ людямъ. Совершенно нѣкоторые отрезвлялись только тогда, когда сестра милосердія перевязывала имъ раны въ госпиталѣ. Мнѣ разсказывали, что одинъ до такой степени нагрузился, что вошелъ въ восторженное, благородное негодованіе и съ поднятыми кулаками пошелъ на турокъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ доброволецъ, изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ С.—, качаясь, въ растерзанномъ видѣ, съ длинными сбитыми волосами, но въ новенькомъ сербскомъ костюмѣ, порывался представиться къ генералу Черняеву. Часовые у воротъ княжескаго дворца, гдѣ помѣщался главнокомандующій, скрестили передъ нимъ штыки и заграждали ему дорогу, но онъ громко и безсвязно резонировалъ, говоря, что онъ старый знакомый генерала и желаетъ ему сдѣлать визитъ. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ генералу Черняеву, голосъ котораго въ состояніи былъ перемѣнить приказаніе и отрѣшить отъ командованія даже дивизіономъ, чистосердечно говаривалъ про себя: „какъ ни бьешься, а все къ вечеру напьешься“. Все это комично, но очень грустно; если хотите, стыдно передъ иностранцами, которые узнаютъ насъ

не только элегантно бросающими имъ деньги и изъясняющимися съ ними легко на разныхъ діалектахъ, но съ нашей внутренней, другой стороны жизни.

Но этимъ самымъ, заслуги русскихъ въ Сербіи, въ дѣлѣ чисто идеальномъ, нисколько не уменьшаются, хотя вопреки ожиданію многихъ, Турецкая имперія и не разрушена ими. Русскихъ было поочередно, замѣнявшихъ опустѣлые ряды, до 4,000 тысячъ. Эта цифра самая вѣрная, основаная на разсчетахъ славянскихъ комитетовъ; какъ мнѣ извѣстно, въ одно и тоже время въ моравской арміи было не болѣе 2,200, въ ибарской до 130, а на Дринѣ не свыше 50 человѣкъ. Всѣ другія цифры преувеличены, выставляемы были сознательно или по слуху. Вѣрныя свѣдѣнія трудно было имѣть, сами русскіе ошибались. Больше не могло быть по недостатку средствъ комитетовъ, хотя являлось и много желающихъ отправиться. Изъ вышеобозначеннаго числа, человѣкъ до 700 не были на позиціи и находились въ Бѣлградѣ или Кладовѣ. Въ иностранныхъ газетахъ, въ этомъ случаѣ, лгали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Такъ я помню читалъ: „Въ Кладово переправилось 4,000 казаковъ, въ полномъ вооруженіи, подъ командою подполковника Нарышкина“: т. е. отъ А до Z чистая ложь. Донцовъ всего было въ разное время до 300, изъ которыхъ участвовали въ дѣлѣ только не болѣе 150, остальные все сидѣли безъ лошадей въ Кладово и не могли двинуться. Нарышкинъ же, человѣкъ штатскій, только ихъ формировалъ, и никогда и не думалъ ими командовать. Этимъ-то русскимъ и нужно отдать справедливость, какъ Кесарю—Кесарево, а Богу—Богови. Насколько я стыжусь за пьяныхъ русскихъ, стрѣляющихъ изъ вагоновъ, показывающихъ такія части тѣла, которыя принято скрывать, чему былъ самымъ свидѣтелемъ, настолько же я горжусь и съ полнымъ благоговѣніемъ и уваженіемъ смотрю на человѣка безъ рукъ, безъ ногъ, на костыляхъ, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, въ этой грязной сербской синей шинели и въ шапочкѣ. Русскіе, увлекаемые идеей и газетами, шли на бой изъ предположенія принести пользу дѣлу, а не служить только пушечнымъ мясомъ. Всѣ они шли съ увлеченіемъ постоять и отдать себя за истину, за вѣру, за свободу, хотябы даже огромное большинство шло отъ бездѣйствія или другихъ эгоистическихъ чувствъ, этимъ святость дѣла нисколько не колеблется, иногда покидая женъ, дѣтей и мѣста. На позиціи русскіе

сознавали, что они обмануты, введены въ заблужденіе, что горсть ихъ не приведетъ ни къ какому благопріятному результату. Но отступленіе было поздно, да и противно ихъ натурѣ, они шли впередъ, умирали героями, но съ проклятіями на устахъ. Полковникъ-инженеръ и генеральнаго штаба Клиндеръ, потрясенный этою неурядицею и неудачами, пришелъ въ умственное разстройство; этотъ офицеръ, окончившій въ двухъ академіяхъ, одинъ изъ храбрыхъ и даровитѣйшихъ людей, командовалъ двумя бригадами въ корпусѣ Хорватовича. По всѣмъ отзывамъ очевидцевъ и даже враждебныхъ намъ журналовъ, русскіе дрались съ беззавѣтною храбростію, они шли на бой какъ на пиръ. Одинъ крикъ ура иногда приводилъ въ трепетъ турокъ, показывавшихъ пятки. Кучки въ 30 и 40 человѣкъ останавлись въ какомъ-то остервенѣніи отъ нѣсколькихъ баталіоновъ турокъ. Русскіе, покинутые сербами, не бѣгутъ, а отступаютъ, огрызаясь, т. е. отстрѣливаясь, пока ихъ не перестрѣляютъ по одиночкѣ. Турки ставили главною обязанностію шпіонамъ узнать много-ли русскихъ, такъ какъ отсутствіе послѣднихъ ихъ ободряло и они шли смѣлѣе. Преувеличенное понятіе о числѣ русскихъ въ сербской арміи отчасти заставляло турокъ дѣйствовать нерѣшительно. Али-паша, командовавшій ибарской арміей, въ шутку говорилъ нашимъ парламентерамъ, что онъ хочетъ запретить стрѣлять въ русскихъ, такъ какъ они только ихъ и видятъ впереди, между тѣмъ какъ война Россіи еще не объявлена. Вспомните Кирѣева, не понимавшаго тактики новаго времени, но шедшаго впередъ на вѣрную смерть; а Раевскаго, какъ будто отданнаго на жертву, чтобы задержать обходное движеніе арміи. Капитанъ Щагинъ, командовавшій русско-сербскимъ баталіономъ въ ибарской арміи, съ горстью русскихъ, брошенный сербами, воткнувъ знамя, со слезами на глазахъ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи и остервенѣніи, стоялъ противъ нѣсколькихъ тысячъ турокъ, какъ-бы желая загородить имъ дорогу. Вообразите вы Гаврилова, одного шедшаго на приступъ шанца?! Какъ тотъ, такъ и другой—одни изъ симпатичныхъ людей, когда-либо мною встрѣчаемыхъ. Во время перемирія стоило ихъ разбудить ночью и объяснить, что вы оскорблены, и они, съ сіяющими отъ радости глазами, спросятъ только, кого бить? Эти люди способны отдать все своему ближнему и лягутъ костьми за правду. Гавриловъ, юноша лѣтъ 23-хъ, командуя баталіономъ, атаковалъ турецкій шанецъ; въ порывѣ воинственнаго самозабвенія,

онъ не замѣтилъ, какъ его сербы оставили; онъ уже взобрался на брустверъ, какъ, увы! Его солдатъ уже не было съ нимъ, а въ 50 шагахъ передъ нимъ стояли смирно, въ ружье къ ноги, египетскія войска, удивлено смотря на этого храбреца: что это такое? откуда онъ взялся? Гавриловъ не зналъ, что дѣлать; но въ моментъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ египтянъ; цѣлый залпъ былъ отвѣтомъ на его безумную выходку. Зачѣмъ онъ выстрѣлилъ, онъ самъ не можетъ отдать себѣ отчета. Прострѣленный въ грудь насквозь и раненый еще въ двухъ мѣстахъ, весь окровавленный, онъ кое-какъ дотащился до своей позиціи. Если-бы этотъ героическій подвигъ былъ-бы сдѣланъ съ французскими, нѣмецкими или англійскими и вообще европейскими войсками, то, вмѣсто того, чтобы отвѣчать залпомъ въ человѣка, достойнаго легенды, они подняли-бы шляпы и прокричали-бы браво. Князь Миланъ слышалъ о подвигѣ Гаврилова и пожелалъ его видѣть, но, ко всеобщему удивленію, удостоилъ только выслать ему Такова, чрезъ своего адъютанта; полагаютъ, что это онъ сдѣлалъ оттого, что Гавриловъ явился къ нему въ походной формѣ, а не въ мундирѣ, котораго онъ не имѣлъ средствъ сдѣлать. У агента славянскаго комитета въ передней было прибито объявленіе, что только офицеры гвардіи могутъ являться къ князю, предварительно записавшись у уполномоченнаго. Какой имѣетъ смыслъ такое раздѣленіе? „Самъ нашъ Государь удостоилъ-бы принять насъ раненыхъ, а онъ дѣлаетъ намъ оскорбленія“, говорили русскіе и при этомъ сыпали всевозможныя проклятія на разныя варіаціи. Въ Сербіи часто можно было встрѣтить между волонтерами поразительную крайность въ лѣтахъ. Подъ командою у меня были люди лѣтъ 70-ти, бодрые старики, имѣющіе внуковъ на службѣ. „Куда тебѣ, вѣдь ты старъ“, говорилъ я ему при пріемѣ.—„Не откажите, ваше высокоблагородіе, сыновей снарядилъ въ армію, а самъ въ чемъ есть, силы имѣю, хочу постоять за вѣру Христову“.—„Ну пойдемъ, старина“, утѣшалъ я его. Нѣкоторые же попадались совершенные дѣти, лѣтъ 15—16; надъ однимъ изъ нихъ я долго сомнѣвался рѣшить—женщина или мужчина: женственность, нѣжный цвѣтъ лица и кудри этого мальчика многихъ ставили въ тупикъ; бѣдняжка ходилъ съ повязанной рукой отъ револьверной пули. Въ одномъ дѣлѣ подобный юноша, раненый, отстрѣливался отъ турокъ. На него наскочилъ массивный офицеръ изъ англичанъ. Увидя передъ собою ребенка и

узнавъ въ немъ русскаго, онъ повернулъ его спиною и далъ такого тумака, что тотъ скатился внизъ, и тѣмъ способствовалъ ему уйти отъ непріятнаго плѣна. Батарея, состоявшая бо́льшею частью изъ русскихъ, подъ командою капитана Гречишникова, до послѣдняго момента отстаивалась отъ турокъ безъ всякаго прикрытія. Сербы давнымъ давно покинули ее, но командиръ какъ будто рѣшился умереть со своими дорогими дѣтищами-орудіями. Одинъ изъ офицеровъ этой батареи былъ даже раненъ въ руку изъ револьвера. А капитанъ-лейтенантъ Шпаковскій, бывшій начальникъ миннаго класса въ Кронштадтѣ, и лейтенантъ Ермолинскій хотѣли взорвать турокъ, когда тѣ взлѣзутъ на укрѣпленіе. Со стоическимъ хладнокровіемъ Шпаковскій и его помощникъ продолжали свою минную работу, когда уже турки были въ нѣсколькихъ шагахъотъ него. Имъ кричатъ: „бросьте, бѣгите!“—„Подождите, сейчасъ!“ было отвѣтомъ.

Безоружные они достались въ плѣнъ туркамъ и что сдѣлалось съ ними — неизвѣстно. А Небольсинъ, капитанъ и юристъ, человѣкъ весьма образованный, дѣйствовавшій въ тылу непріятельской арміи, какъ у себя дома. Унтеръ-офицеръ Михайловъ, спустившій на тотъ свѣтъ 12 человѣкъ, чуть еще не извинялся, что, при всей надеждѣ умереть за святое дѣло, онъ живой пріѣхалъ въ Москву. Полковникъ Меженинновъ, всѣми любимый командиръ русско-сербской бригады, поражалъ своею стойкостію и хладнокровіемъ даже русскихъ“. Ему, какъ храброму изъ храбрыхъ, единогласно присуждена была золотая сабля отъ жителей города Бѣлграда. Командующій однимъ редутомъ при Алексинацѣ, извѣстный геройскою защитою, Гольштейнъ и много другихъ, которые сдѣлали бы славу и гордость любой арміи. Конечно, иногда были и грустныя исключенія, какъ вездѣ и во всемъ. При этомъ не могу не вспомнить одного комическаго случая. Еврей, какой-то игрой судьбы попавшійся въ ряды добровольцевъ, изъ окрещенныхъ, во время горячаго сраженія, прилегъ къ землѣ. „Ты чего ложишься!?“ прикрикнулъ на него офицеръ.—„Я хочу штрѣлять самаго ихъ главнаго нацальника, ваше благородіе“. — „А что же ты такой блѣдный?“—„Отъ злости, отъ злости, ваше благородіе“.

Въ послѣдній роковой день, 17-го октября, разбитыя сербскія войска бѣжали съ Дьюниша, что называется, безъ оглядки. Бѣжало все, что только имѣло ноги и силъ, чтобы уйти. Паника была до того сильная, что нѣкоторые даже скатывались съ горъ по направ-

ленію къ Моравѣ на Делиградъ. Но нигдѣ не было спасенія. „Вотъ, вотъ, кажется, уйдешь отъ пули или плѣна, говорили испытавшіе:— но нѣтъ, не тутъ-то было, чѣмъ дальше, тѣмъ было болѣе опасности,—выстрѣлы были настильнѣе". Испуганные жители изъокружныхъ мѣстностей всѣ вдругъ, массой хлынули спасаться отъ непріятеля. Трудно себѣ представить эту раздирающую картину всеобщаго бѣгства изъ Делиграда по дорогѣ въ Ражанъ и далѣе во внутрь страны. Сердце кровію обливается у самаго черстваго эгоиста, говорятъ свидѣтели этого народнаго бѣдствія и отчаянія всего смертнаго. По одной сторонѣ узенькой дороги, длинной, нескончаемой вереницей тянулись возы, нагруженные всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ. Здѣсь всѣ хозяйственныя принадлежности и живность были собраны вмѣстѣ, какъ попало, въ торопяхъ; между шкафами, столами и стульями, лежали: свиньи, куры и индѣйки, смирно пріютившіяся и пугливо выглядывавшія на это невиданное зрѣлище. Превосходные здоровые волы, замѣчательные громаднымъ ростомъ, какихъ вы нигдѣ не встрѣтите кромѣ Сербіи, еле двигались отъ чрезмѣрной тяжести. Здѣсь все смѣшалось; старые, спокойные сербы, имѣя за спиною длинныя кремневыя ружья, временъ Милоша Обреновича, съ нависшими на рѣсницахъ слезами, торопливо подгоняли воловъ изо всѣхъ силъ грудью нажимавшихся и семенившихъ ногами; тутъ-же раненые и здоровые милиціонеры съ блѣдными, вытянутыми отъ испуга лицами, блуждающими глазами, въ изодранныхъ опанкахъ и шенеляхъ; за телѣгами женщины съ дѣтьми, ведя однихъ за руки, а другихъ неся за спиною, плетутся спотыкаясь отъ дорогой ноши. Вся эта толпа, дрожа отъ холода, сырости и грязи, тѣснится, толкается, нагоняя другъ друга, спѣша какъ можно скорѣе, дальше и дальше впередъ. Изрѣдка проскочившая граната выхватывала рядъ; падали волы, ломались колеса, уносились жертвы; все останавливалось,—хаосъ увеличивался. Плачъ, рыданіе, отчаяніе и проклятіе слышались изъ тысячи устъ виновникамъ злополучія, въ особенности руссамъ. Куда бѣгутъ эти люди, спасая свою жизнь и дѣтей? Они сами не знаютъ; нужно идти, бѣжать куда глаза глядятъ, только-бы уйти отъ перспективы страшнаго плѣна, позора и мученій. Больные и здоровые, всѣ оставлены на произволъ судьбы; это было что называется полное sauve qui peut (спасайся кто какъ можетъ). Самъ главнокомандующій ускакалъ въ Бѣлградъ, нисколько не позаботясь объ участи раненыхъ.—„За что

мы терпимъ все это? Почему мы несемъ эти страшныя, раздирающія душу бѣдствія? Кто же поддерживаетъ эту войну? На что она намъ нужна, когда мы пользовались полнымъ земнымъ счастіемъ?“

Такъ задаетъ себѣ вопросы все это страждущее человѣчество. Русскіе бьютъ сербовъ, они видятъ и знаютъ это, они заставляютъ съ пистолетомъ въ рукѣ и съ саблей въ другой идти впередъ на смерть и драться съ турками, которые имъ никакого зла не сдѣлали. „Кто причиной, что убили моего мужа, не пустили домой моего брата? Отчего я вдова и дѣти сироты, да и всѣ мы нищіе? Русскіе!“ — „Повсюду мы видимъ и слышимъ этихъ противныхъ русовъ, чего они отъ насъ хотятъ и зачѣмъ они сюда пришли, эти нетрезвые люди? Пусть они дерутся дома, если это имъ нравится. Они ничего не теряютъ, а мы все“.

При такомъ положеніи, развѣ возможно ожидать, чтобы васъ приняли съ распростертыми объятіями? Впустили бы къ себѣ этихъ пьяныхъ и бушующихъ людей, когда къ нимъ имѣютъ омерзенье и не могутъ ихъ видѣть безъ содроганья. Неужели вы думаете, чтобы васъ, виновниковъ нашего несчастія, мы приняли бы къ себѣ!? Чрезъ васъ мы лишились всего, что намъ дорого. Такъ и умирай же ты! Неужели ты воображаешь, что я тебя буду спасать? Нѣтъ, терпи же и ты, узнай, испытай мученія, которыя ты наносишь другимъ; нѣтъ тебѣ ни хлѣба, ни воды. И вотъ, раненые русскіе тащились послѣдними, еле двигая ноги отъ изнеможенія и истекая кровью; нигдѣ они не могли найти ни пить, ни ѣсть, ни какого либо пріюта; — все запиралось передъ ними!.. Ожесточеніе противъ насъ было такъ велико, что за деньги ничего не давали. Одна голодная толпа, не имѣя средствъ къ пропитанію и мѣста для ночлега, врывалась съ проклятіями въ дома, порываясь разнести и разграбить весь городъ. На дорогѣ и въ Смедеревѣ партіи русскихъ въ 150 человѣкъ были выведены изъ крайности великодушно подоспѣвшей на помощь г-жею Каировой. Они разсказывали мнѣ, что какая-то барыня, по дорогѣ, разспрашивала ихъ о бѣдственномъ положеніи и щедро снабдила ихъ деньгами. Впослѣдствіи, когда ужасное положеніе нашихъ раненыхъ сдѣлалось извѣстнымъ уполномоченнымъ славянскихъ комитетовъ, то Н. А. Нарышкинъ обязательно принялъ на себя трудъ проѣхать по дорогѣ въ Парачинъ навстрѣчу, чтобы сколько нибудь облегчить страданія этихъ несчастныхъ.

Сами турки, какъ видно, были изумлены своими успѣхами и остановились въ преслѣдованіи. Не предполали ли они встрѣтить какую-либо ловушку? Вообще, по непонятной причинѣ, они не двигались впередъ. Но въ Бѣлградѣ всѣ потеряли головы и ходили какъ отупѣлые отъ чрезмѣрнаго испытанія; всѣ русскіе двинулись туда; одни уѣхали въ Россію за ранами, или по собственному желанію въ отпускъ или въ отставку; а другіе, чтобы размѣститься въ столицѣ, а кавалерія—въ Топчидере (лѣтняя резиденція князя, близь Бѣлграда). Порядка въ отправленіи раненыхъ долгое время не было никакого; казармъ не доставало и наши добровольцы, кто не имѣлъ средствъ жить въ отелѣ, помѣщались въ казармахъ очень дурно, какъ въ арестантской по 18 и болѣе человѣкъ въ небольшой комнатѣ, безъ кроватей, на кирпичномъ полу и иногда безъ подстилки; недостатокъ посуды и помѣщенія дѣлалъ невозможнымъ накормить всѣхъ аккуратно. Ни сербское начальство, ни свои, никто ни о чемъ не заботились. Вообразите, что могла дѣлать толпа, не признающая никакихъ властей!? Тутъ же рядомъ кутежъ, щегольство и полное довольство штабныхъ офицеровъ. Все это до такой степени деморализировало, что всѣ утратили вѣру во все честное и прекрасное; во всемъ и вездѣ видѣлось только злоупотребленіе. Не получая долго денегъ на выѣздъ въ Россію, русскіе добровольцы шатались по кофейнямъ, заводили ссоры между собою и устраивали засады и правильныя баталіи. Рѣдкій день, когда въ какой нибудь кофейнѣ не произойдетъ, какъ они называли, мордобитіе. Такъ какъ Черняевъ и въ особенности поведеніе штаба возбуждало ропотъ и общую ненависть, то самымъ любезнымъ дѣломъ и пріятною обязанностію было вздуть кого нибудь изъ штабныхъ. Дѣлались и другого сорта возмутительные вещи. Генералъ Черняевъ, обходя лазаретъ, замѣтилъ раненаго мальчика лѣтъ 10-ти. На вопросъ его, какъ это случилось, выяснилось, что одинъ изъ русскихъ, баронъ О., въ пьяномъ видѣ, подстрѣлилъ его. Бѣдная мать, присутствовавшая при этомъ объясненіи, обливалась слезами надъ своимъ ребенкомъ, но тѣмъ не менѣе просила извинить этотъ поступокъ человѣку, пріѣхавшему помогать Сербіи противъ турокъ. То услышишь, что ночью разрубили голову саблей за политическія тенденціи, или выпороли кого нибудь. Нѣкоторымъ былъ день не въ день, когда не было какого нибудь скандальчика. Извѣстный Г., отличавшійся противъ египтянъ,

какъ любитель сильныхъ ощущеній, и въ мирное время жаждалъ всякаго рода приключеній и, во всякое время дня и ночи, готовъ былъ учинить свалку и наказаніе по заслугамъ. Кулачная расправа была въ обычаѣ, а дуэли были не въ модѣ, все какъ-то разстраивались. Самозванство было въ полномъ ходу въ Сербіи: поручики показывали себя маіорами и хватали выше, а изъ юнкеровъ прямо въ офицеры. Одинъ фельдшеръ три мѣсяца разыгрывалъ роль доктора въ Кладово, ходилъ въ офицерскомъ платьѣ и своею грубостію приводилъ въ трепетъ коменданта крѣпости, человѣка, какъ я говорилъ о немъ выше, мягкаго и воспитаннаго. Онъ катался тамъ, какъ сыръ въ маслѣ, пока не былъ, наконецъ, уличенъ и чуть не избитъ членомъ славянскаго комитета, пріѣхавшимъ исполнять должность коменданта въ Кладово. Меня спрашивали: „Какимъ вы чиномъ поступаете?“—„Тѣмъ, какой я имѣлъ“. „Э! напрасно, валяйте въ полковники; вы привели цѣлый дивизіонъ и имѣете полное право требовать, чтобы васъ приняли двумя чинами выше. Въ такомъ водоворотѣ только нахальствомъ и возьмешь,—здѣсь вашу скромность и деликатность спрячьте въ карманы; иначе вы ничего не добьетесь. Все равно, въ Россіи чины не признаютъ, а здѣсь важно потому, что можете получить командованіе большими частями.

Разнузданность нравовъ между русскими въ Сербіи была такъ велика, разложеніе было дотого полно, что все хорошее расплывалось и ему не вѣрили; вездѣ и во всемъ предполагалось только дѣйствіе дурныхъ инстинктовъ. Не щадили никого, начиная съ Чернаева, на котораго несли возмутительныя инсинуаціи, и кончая послѣднимъ добровольцемъ, если онъ имѣлъ счастіе получить Токова или золотую медаль. Малѣйшее что-либо, которое давало человѣку возможнымъ выдвинуться изъ толпы, или кто по своей дѣятельности, или положенію выдѣлялся, то ихъ подвергали всевозможнымъ пересудамъ и клеветамъ. Выдумать пасквиль или сплести цѣлую исторію ровно ничего не значило; къ этому такъ привыкли, что цѣны клеветамъ никакой не давали, такъ что смѣялись надъ тѣмъ, кто обижается, а не надъ тѣмъ, кто выдумалъ. Ко мнѣ подходитъ одинъ капитанъ, человѣкъ развитой и образованный, и пренаивно говоритъ: „подарите мнѣ одну бурку“.—„Откуда мнѣ взять?“ спрашиваю я удивленно.—„Да вѣдь у васъ ихъ должно быть теперь много, вы вѣдь, не желая командовать

отрядомъ, отобрали купленныя вами вещи назадъ".—„Откуда вы это взяли?"—„Да такъ я слышалъ".—„Да побойтесь вы Бога, говорю я ему, могу-ли я это сдѣлать?"—„О! здѣсь сплошь да рядомъ продаютъ казенныя вещи, считая ихъ за собственныя".—И дѣйствительно, не только оружіе, но лошади продавались за два, за три дуката, не скрываясь, совершенно на чистоту. Я спрашивалъ К—го, интриговавшаго получить мой отрядъ, распускавшаго на мой счетъ самыя нелѣпыя клеветы и злословія въ самой невинной, добродушной формѣ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?—«Я хочу добиться славы, чтобы всѣ обо мнѣ кричали», былъ его отвѣтъ.—«Я согласенъ, это желаніе благородно, но оно является низкимъ, когда добиваются іезуитскими средствами».—«Э! все это пустое», отвѣчалъ онъ и продолжалъ переливать изъ пустого въ порожнее. Сдѣлать славу, чтобы о нихъ кричали былъ камень, на которомъ многіе изъ русскихъ въ Сербіи помѣшались. Это явленіе я объясняю тѣмъ, что многіе изъ выдающихся русскихъ были люди опальные съ неудавшейся карьерой въ своемъ отечествѣ; нѣкоторые изъ нихъ состоявшіе подъ судомъ и честолюбивые. Чувствуя нравственный гнетъ, иногда неправильно судьбою накинутый, эти люди всѣми руками болѣе или менѣе держались за Сербію, какъ за якорь, который ихъ можетъ вытащить на свѣтъ, что называется, на дорогу. Пріобрѣтая имя и славу въ Сербіи, они этимъ надѣялись вернуть все потерянное въ Россіи. Значитъ, выходила борьба за существованіе; а при этомъ извѣстно, что люди дѣлаются черствыми, жестокими къ другимъ и неразборчивыми на средства. Идти напроломъ и топить все, что только стоитъ на пути—вотъ ихъ девизъ. Всякое лицо въ Сербіи, чѣмъ нибудь выдававшееся и тѣмъ возбуждавшее зависть, рисковало сдѣлаться предметомъ всевозможныхъ злословій и интригъ: производились мины и контръ-мины, чтобы спустить. Хотя были и крайности, идея для нѣкоторыхъ было все! Они не только не добивались командованія и поступали подъ начальство младшихъ, но становились въ ряды, какъ простые солдаты. Послѣднее обстоятельство происходило отъ того, что офицеровъ было не пропорціонально больше, чѣмъ нижнихъ чиновъ. Положимъ, клевета, интриги существуютъ на всемъ земномъ шарѣ. Екатерина Великая говорила: «On peut avoir de l'esprit, du talent, des moeurs, de la vertux, de la raison impunement; mais non pas de la gloire, des succès, de la fortune et surtout de la faveur!» (Можно быть безнаказанно умнымъ,

талантливымъ, нравственнымъ, добродѣтельнымъ; но нельзя безнаказанно достигнуть славы, успѣховъ, счастья и въ особенности удачи!). Но я смѣло утверждаю, что въ Сербіи безъ гарантіи суда и власти оно дошло до возможнаго апогея. Въ этомъ я виню генерала Черняева. При другомъ главнокомандующемъ подобное состояніе вещей было бы немыслимо. Со своею безхарактерностію и довѣрчивостію онъ какъ будто поощрялъ это и совершенно подчинялся пахаламъ и интриганамъ. Отсутствіе характера и административной способности, по моему мнѣнію, были главными причинами содома во всемъ, къ чему онъ только соприкасался. Я отчасти это испыталъ лично на себѣ. Нѣкто маіоръ К. и купецъ Х., состоявшій при главной квартирѣ, оба хорошіе знакомые Черняева по Ташкенту, произвели тревогу на позиціи; турки открыли канонаду и со стороны сербовъ оказался одинъ убитымъ юноша и нѣсколько раненыхъ. По разслѣдованіи дѣла, оказался виновнымъ К., которому Черняевъ приказалъ немедленно выѣхать изъ арміи. Но К. этимъ не удовольствовался; состоя въ Россіи подъ судомъ, бравый офицеръ, съ георгіевскимъ крестомъ, что называется ловкій малый, не хотѣлъ такъ безъ славы сдаться. Онъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ къ Николичу съ предложеніемъ сформировать партизанскій отрядъ, не подчиняясь главнокомандующему. На это было выражено согласіе, во-первыхъ, потому, что это входило въ планъ военнаго министра, а во-вторыхъ, что К. предлагалъ для этого купить на свой счетъ 60 лошадей. Съ этого момента пустился онъ на поискъ вербовать людей; сбивалъ донскихъ казаковъ оставить своего начальника и подчиниться ему, обѣщая за это всевозможныя блага отъ мнимыхъ своихъ несмѣтныхъ богатствъ; но былъ уличенъ во-время формировавшимъ отрядъ П—мъ и, что называется, сорвалось!.. Узнавши, что я пріѣхалъ въ Кладово съ такимъ цѣннымъ матеріаломъ, какъ линейные казаки, онъ представилъ Николичу, что между ними есть люди пріѣхавшіе къ нему. Я получилъ отъ послѣдняго телеграмму: отдать К. принадлежащихъ ему казаковъ. Я отвѣчалъ, что таковыхъ не имѣется. Не смотря на это, К. удалось получить позволеніе выбрать людей; онъ пріѣхалъ въ Кладово, когда меня тамъ не было, и отобралъ себѣ 60 человѣкъ. Затѣмъ взялъ онъ у донцовъ берданскія ружья, увѣривъ ихъ, что они его собственные и оставилъ имъ только нѣкоторое количество въ видѣ подарка, за что они же благодарили К. какъ за великодушный поступокъ. Всѣхъ осталь-

нихъ людей онъ отправилъ въ Делиградъ. Эти послѣдніе пропадали, какъ я говорилъ выше, безъ слѣда три недѣли, рискуя попасть безоружными въ руки турокъ или умереть съ голоду. Когда Черняевъ узналъ объ этомъ, былъ очень недоволенъ дѣйствіями К. и хотѣлъ его арестовать. „Вотъ человѣкъ! говорилъ онъ мнѣ. Послѣ того, какъ я приказалъ уѣхать изъ арміи, другой-бы на его мѣстѣ давно-бы уѣхалъ изъ Сербіи, а онъ еще продолжаетъ здѣсь мутить". Сказано это было такъ наивно, что напомнило мнѣ няньку, не могущую справиться съ избалованнымъ ребенкомъ. „Впрочемъ", онъ добавилъ: „но такъ какъ К. купилъ 60 лошадей (въ наличности состояло около 40), а у васъ пока нѣтъ ихъ, то слѣдуетъ раздѣлить на двѣ сотни, одну оставить подъ вашимъ командованіемъ, а другую подъ командою К., но подъ общимъ вашимъ командованіемъ на правахъ дивизіонера!" Я объявилъ главнокомандующему, что, ради пользы дѣла, я даже готовъ подчиниться К., такъ какъ мы состоимъ въ однихъ чинахъ, но что я желалъ-бы служить съ этими людьми потому, что успѣлъ пріобрѣсти ихъ расположеніе и довѣріе. При этомъ добавилъ, что я совершенно доволенъ этимъ рѣшеніемъ и что зналъ К. за хорошаго малаго. На это онъ замѣтилъ, что даетъ командованіе К. только потому, что у него имѣлись лошади и что такъ какъ у меня все дѣло формированія въ рукахъ, то и находитъ это рѣшеніе самымъ правильнымъ. Но каково же было мое удивленіе, когда на второй или третій день уже К. показывалъ мнѣ добытую имъ записку начальника кавалеріи съ предложеніемъ принять въ свое вѣдѣніе всѣхъ линейныхъ казаковъ; обо мнѣ же ни слова, какъ будто-бы я не существовалъ. Что оставалось мнѣ дѣлать? Проститься съ людьми и уѣхать. Казаки и всѣ добровольцы, какъ я говорилъ выше, были страшно недовольны своею судьбою; безъ огнестрѣльнаго оружія и лошадей они не могли принимать участія въ сраженіи, а между тѣмъ терпѣли всевозможныя лишенія. Они не желали служить подъ командою К., такъ какъ онъ обращался съ ними, заслуженными стариками, грубо и дерзко; они просили меня что называется слезно не покидать ихъ, взявъ съ собою въ Россію, такъ какъ, набирая, я обѣщалъ, что въ случаѣ, если останусь живъ, привезу ихъ обратно на родину. Я утѣшалъ казаковъ, что я ѣду, чтобы улучшить ихъ положеніе или перевезти въ Россію; это послѣднее обстоятельство подало поводъ Х., принимавшему участіе совмѣстно съ К. въ отбитіи у меня

командованія, сдѣлать мнѣ въ полупьяномъ видѣ замѣчаніе, что мнѣ вѣроятно выгодно формировать дивизіонъ. Подобная грязь, ни на чемъ не основанная, брошенная прямо въ лицо, конечно не могла пройти ему даромъ; я послалъ ему на другой день вызовъ стрѣляться, но, вмѣсто отвѣта, былъ самъ вызванъ къ Черняеву. Генералъ дѣлалъ мнѣ замѣчанія, что онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать удовольствіе, назначивъ меня командиромъ дивизіона, а я, не желая оставаться, еще возбуждаю казаковъ, подговаривая ихъ къ отъѣзду; что это вопреки дисциплинѣ и что мнѣ, какъ штабъ-офицеру, не прилично этого не знать. Всякій пойметъ, въ какомъ я былъ негодованіи, увидавши себя въ этомъ непролазномъ болотѣ лжи, клеветы и безурядицы. Мои объясненія были признаны рѣзкими, сдѣланъ былъ намекъ, что я, вопреки той-же дисциплинѣ, позволяю себѣ возвышать голосъ; я извинился за невольное нарушеніе почтенія и вышелъ. Мои враги торжествовали свою побѣду и въ оправданіе свое распускали на меня различныя нелѣпыя обвиненія. Я не хотѣлъ съ ними такъ разстаться и посылалъ трехъ секундантовъ къ X. и вызывалъ К., но имъ видимо нужно было во что-бы то ни стало меня спустить и вызова не принимали; впрочемъ, X. согласенъ былъ стрѣляться на митральезѣ, которую онъ намѣренъ былъ выписать. Когда я, возмущенный до глубины души, разсказывалъ объ этомъ дѣлѣ добровольцамъ, то они только удивлялись, какъ я могъ принимать близко къ сердцу подобную ерунду. „Стоитъ-ли обижаться? У насъ дуэли вовсе не въ модѣ; можно поколотить или высѣчь, это другое дѣло“. Въ этомъ случаѣ предлагали мнѣ всевозможное содѣйствіе. Здѣсь кстати скажу, что Черняевъ, бывши въ Бѣлградѣ, старался задержать добровольцевъ, рвавшихся въ Россію обратно; но когда генералъ Никитинъ былъ уже назначенъ въ Сербію, чтобы принять всѣхъ русскихъ въ свое вѣдѣніе и привести все въ порядокъ, то Черняевъ посылалъ предложеніе въ комитетъ взять русскихъ оттуда, такъ какъ турки могутъ разнести всю Сербію, а нашихъ взять въ плѣнъ. Мнѣ говорили, что онъ получилъ отказъ, въ виду того, что именно при опасности-то для Сербіи взять ихъ обратно считается неприличнымъ.

Все этотакъ, пожалуй скажутъ мнѣ, но, можетъ быть, планъ Черняева былъ-бы выполненъ, если-бы сербы не отказывались драться; они не только не помогали русскимъ, но даже главные сербскіе военноначальники парализировали дѣйствія главнокомандующаго, а сербы

отъявленные трусы. Эти обвиненія въ особенности часто слышишь на разныя варіаціи: „Да-съ, говорятъ нѣкоторые, въ этомъ-то и дѣло, что сербы разжирѣли и политически незрѣлы. Человѣкъ не однимъ хлѣбомъ живъ бываетъ. Они не выполнили свою задачу, не поднялись на высоту культуры. Сербы только политиканятъ, даже самая конституція имъ во вредъ. Имъ непонятна борьба за идею. Мы русскіе несравненно выше". Притомъ приводятся примѣры самоотверженія русскихъ: Кирѣева, Раевскаго, Михайлова и другихъ.

Принципъ Евангелія: «Люби своего ближняго какъ самаго себя», есть высшая идея, до которой массѣ человѣчества подняться трудно; это совсѣмъ не то, что пріобрѣтеніе себѣ политическихъ правъ; это ни есть, что называется, своя рубашка ближе къ тѣлу. Чтобы вызвать человѣка на защиту ближняго, необходимо, чтобы онъ прочувствовалъ его состояніе, это систематическое попираніе чужаго человѣка, чтобы онъ глубоко вознегодовалъ; чтобы это возмутительное явленіе пробрало бы его всю нервную систему до конца мозга. Необходимо, чтобы картина человѣческаго страданія днемъ и ночью, какъ страшный, неотвязчивый кошемаръ, давила бы нашу грудь, чтобы раздирающіе крики замученныхъ женъ и подбрасываемыхъ на пики и ятаганы дѣтей, и блѣдныя, вытянутыя, искаженныя лица мертвецовъ на висѣлицахъ и надъ кострами представлялись бы вамъ на яву и во снѣ, какъ въ калейдоскопѣ. Однимъ словомъ, необходимо, чтобы вы были наэлектризованы, возмущены до такой степени, чтобы перспектива лишеній и смерти во имя идеи была бы вамъ пріятною, такъ что, жертвуя собою, вы могли бы умереть съ удовольствіемъ изъ сознанія небезполезности вашей смерти. Здѣсь культурность не имѣетъ большаго значенія; она здѣсь не причемъ. Одного взгляда на жилище серба достаточно, чтобы убѣдиться, что требованія послѣдняго гораздо выше стоятъ нашего крестьянина непромышленныхъ губерній. Неужели офицеръ, дворянинъ русско-нѣмецкаго происхожденія, въ безобразномъ видѣ подстрѣливающій ребенка, культурнѣе его матери, великодушно прощающей ему, ради того, что онъ явился помогать христіанамъ; нѣтъ, никогда! Сербы дрались же геройски съ турками за свою политическую свободу при Милошѣ-Обреновичѣ и Карагеоргіи. Скажете вы, что они переродились, совсѣмъ нѣтъ; тогда они дрались за болѣе видимое, осязательное; теперь же причина идеальная, вездѣ и всегда доступная пониманію только меньшинства.

Мы, находясь за сотни верстъ отъ Турціи и взывая во всѣ легкія къ борьбѣ за идею, во что бы то ни стало, выставили 4 т. добровольцевъ, изъ которыхъ чистыхъ идеалистовъ было двѣ—три сотни не болѣе. Каждый, бывшій въ Сербіи и отдававшій себѣ отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ, не будетъ утверждать противнаго. Большинство смотрѣло на это дѣло какъ на вербовку, чтобы постоять за вѣру, но что за это должны платить, и были требовательны къ комфорту черезъ всякую мѣру. Изъ нихъ многіе на войну смотрѣли какъ на дѣло, которое можетъ имъ дать пользу. У насъ двигатель тутъ былъ разнообразный: родство племени, государственныя традиціи, одинаковость вѣры. Кромѣ того, недовольныхъ положеніемъ было много; они-то и составляли главный контингентъ; тутъ идея была только ширмой. Что же тутъ удивительнаго, что при этихъ условіяхъ изъ 80 милліоннаго нашего народа умерло нѣсколько сотъ геройскою и святою смертію? Пропорціонально величинѣ Сербіи къ Россіи, борцовъ за свободу и независимость угнетенныхъ христіанъ-братьевъ вышло изъ княжества столько же, если не больше. Вѣдь большинство въ скупщинѣ было за войну вопреки сильнымъ противодѣйствіямъ князя Милана и всей дипломатіи. Геройскіе единичные подвиги были и теперь; мнѣ разсказывали, что баталіонъ стоячаго войска, т. е. регулярный, при атакѣ шанца турками, выскочилъ на брустверъ, выругалъ ихъ площадною бранью и затѣмъ ринулся на нихъ въ штыки, обративъ послѣднихъ въ бѣгство. Сербская артиллерія, болѣе культурное войско, во главѣ котораго стояли отлично образованные артиллеристы, дралась превосходно. Наша помощь деньгами не превышала 3 мил. Англія израсходовала до 1 мил., относительно значитъ столько же, для этого общаго христіанскаго дѣла; славяне Австріи, при всемъ противодѣйствіи правительства, Италія и Германія принесли тоже посильную лепту. Помощь другихъ націй даже матеріальная была ничтожная. Сербія же, защищая права угнетенныхъ народовъ Балканскаго полуострова, потеряла имущества цѣною до 150 мил. франковъ. Какихъ же еще желаютъ жертвъ отъ этого народа? Поголовнаго ополченія, но это существовавшій фактъ; или общаго разоренія во имя принципа народности, съ недавнихъ поръ вошедшаго въ моду? Если мы посмотримъ и съ этой стороны на это дѣло, т. е. съ чисто государственной точки зрѣнія, то простое дѣленіе намъ докажетъ, что сербы для славянскаго и христіанскаго

дѣла пожертвовали гораздо больше, чѣмъ всѣ такъ называемые культурные, созрѣвшіе народы, — нѣмцы и италіянцы для своего единства; но какая разница въ условіяхъ борьбы! Первые имѣли одну милліонную образцовую армію и противниковъ—только партіи королей, а въ войнѣ съ Франціей, въ случаѣ удачи — надежду на присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи и вознагражденіе—милліардами франковъ; а вторые—только тормозившихъ дѣло, непогрѣшимаго папу и маленькихъ владыкъ. Посторонніе никто не вмѣшивался въ эти борьбы гигантовъ, а напротивъ рукоплескали и поздравляли за идею проведенія новаго принципа народности въ начало государственнаго единенія. А таково-ли было положеніе бѣдной Сербіи? Венгерское правительство Австріи ее давило и издѣвалось самымъ недостойнымъ образомъ; Румынія, изъ трусости быть втянутой въ неравную борьбу и въ тоже время желая угодить русскимъ, лавировала и по временамъ стѣсняла провозъ оружія. Англійское правительство изъ своихъ коммерческихъ разсчетовъ и боязни къ усиленію Россіи поддерживала Турцію открыто. А что же могла имѣть Сербія въ случаѣ удачи, ставивъ на карту свое существованіе? Ничего;—одна и та же чистая, и безкорыстная идея правды,—для другихъ!!!

Черняевъ съ первыхъ шаговъ своихъ наступательныхъ дѣйствій началъ терпѣть неудачи; но, вмѣсто того, чтобы вдуматься, въ чемъ именно ошибки, онъ и за нимъ литература пустились хоромъ обвинять по очереди всѣхъ сербскихъ начальниковъ въ распоряженіяхъ и самихъ сербовъ въ повальной трусости, въ нежеланіи драться, или въ некультурности. Я же такого мнѣнія, что всякій, преслѣдуя ту же тактику, точно также былъ бы разбитъ, какъ и Черняевъ, такъ какъ при существованіи такихъ неблагопріятныхъ условій наступленія трудно было бы достигнуть какого-либо успѣха. Я больше въ упрекъ ему ставлю упрямое преслѣдованіе плана наступательной войны, нежели его частныя неудачи; послѣднія должны были вытекать какъ слѣдствіе изъ причины. Генералъ Новоселовъ терпѣлъ болѣе неудачъ, нежели его предшественникъ сербъ Чолокъ-Античъ, такъ какъ онъ, такъ же какъ Черняевъ, не хотѣли вникнуть въ условія борьбы, не знали съ кѣмъ имѣли дѣло и держались традиціонной тактики русскихъ войскъ. Въ этомъ они оба преслѣдовали одну и туже ошибку. Впрочемъ, генералъ Новоселовъ, какъ между русскими, такъ и сербами, заслужилъ общее расположеніе

и лучшую память, потому что хотя и пользовался одинаковыми правами главнокомандующаго, какъ и Черняевъ, но оба генерала и ихъ штабы въ своихъ дѣйствіяхъ представляли противоположные полюсы. Помощь ему отъ Россіи была самая ничтожная, не болѣе 150 человѣкъ добровольцевъ и нѣсколько тысячъ денегъ; но, жертвуя собою изъ частой идеи добра, безъ тѣни тщеславія и эгоизма, онъ ничего не дѣлалъ для себя лично,—и все для другихъ. Простотою своею онъ не отличался отъ солдата и штабъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Вообще, при болѣе общей образованности какъ главнокомандующаго, онъ могъ бы быть желательнымъ типомъ народнаго героя.

Наше общество, какъ вездѣ и во всемъ, не имѣя никакихъ данныхъ въ защиту сербскихъ военныхъ властей, тоже болѣе склонно приписывать всѣ неудачи именно имъ, между тѣмъ, какъ лучшаго выбора людей командовавшихъ войсками, трудно было бы требовать, и они ни въ какомъ случаѣ не уступали русскимъ въ образованіи, преданности идеи и храбрости. Храбрый Лѣшанинъ, обвиняемый въ неудачѣ подъ Зайчаромъ, за то, что открылъ лѣвый флангъ Черняева, лишонъ былъ командованія; онъ посѣдѣлъ отъ горя; тимокская армія была присоединена къ мо- равской, подъ общую команду главнокомандующаго, подъ предлогомъ единства дѣйствій, и командующимъ отрядомъ на Тимокѣ былъ назначенъ русскій—Медвѣдовскій; но выиграло ли отъ этого дѣло? — Нѣтъ. Раненый Захъ сошелъ со сцены и затѣмъ въ могилу, не заперевши Босніи со своими слабыми силами; но по его ли винѣ? А Алимпичъ? Этому больше всего доставалось отъ Черняева и русскихъ за его бездѣйствіе. Я самъ, читая въ „Русскомъ Мірѣ“ о томъ, что этотъ генералъ ничего не дѣлалъ на рѣкѣ Дринѣ, послѣ попытки взять Бѣлину, былъ страшно возмущенъ; я волновался, горячился и никакъ не могъ понять тактики этого пруссака по воспитанію. Генералъ Алимпичъ служилъ въ прусской арміи и считался хорошимъ офицеромъ, лихимъ наѣздникомъ и первымъ танцоромъ. Одинъ русскій добровольцъ, изъ фельдфебелей, поступившій въ дринскую армію подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, какъ и я, не выдержалъ и, явившись къ генералу, дерзко спросилъ его: „А что, долго ли мы будемъ такъ на турка смотрѣть“. Алимпичъ, хотя раздраженно, но снисходительно утѣшилъ его, что все зависитъ отъ обстоятельствъ, и выпроводилъ непрошеннаго критика. Но когда онъ оставилъ отличныя

позиціи передъ Бѣлиной и перешелъ на сербскую сторону, то многіе изъ русскихъ обвиняли его положительно. Между тѣмъ, впослѣдствіи оказалось, что этимъ переходомъ Алимпичъ чуть не спасъ свою армію, которая могла бы быть легко отрѣзанною отъ Сербіи, такъ какъ горная рѣка Дрина очень глубокая и быстрая и при разливѣ могла бы снести всѣ понтонные мосты. Общая же его нерѣшительность объясняется относительною слабостью отряда и растянутостію боевой линіи: 12—15 т. войска на 35 верстъ разстоянія. Какъ говорятъ, что генералъ не сторонникъ русскихъ, но тѣмъ не менѣе, бывшіе подъ его командою отзываются о немъ съ хорошей стороны и это единственная армія, сохранившая до конца порядокъ въ управленіи и хорошій боевой духъ. Меньше всего я слышалъ нападокъ на Хорватовича, этого человѣка громаднаго роста и угрюмаго, но рѣшительнаго и храбраго. Онъ не долюбливалъ распоряженія русскихъ и саркастически говаривалъ: «Зачѣмъ награды русскимъ, они всѣ храбры». Сербскій народъ поднялъ его на высоту народнаго вождя-любимца. Слѣдующіе случаи характеризируютъ его достаточно. Во время дѣла у Шильговаца онъ встрѣтилъ трехъ сербовъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія. — «Вы куда идете»? — спросилъ онъ ихъ самымъ хладнокровнымъ образомъ. — «Назадъ, тамъ турки есть», отвѣчали они. — «Такъ вы такъ защищаете ваше отечество!?» и съ этими словами онъ вынулъ револьверъ и въ упоръ положилъ всѣхъ трехъ на мѣстѣ. Одна женщина жаловалась ему, что одинъ милиціонеръ ее ограбилъ. — «А гдѣ онъ?» — спросилъ онъ ее отрывисто.—«Вотъ онъ», отвѣтила она, указывая на проходящаго вблизи серба.—«Часовой, стрѣляй въ него!»—И приказаніе было исполнено. Войска его боялись и любили. Турки относились къ нему съ уваженіемъ, называя Хорватъ-пашею. Больше всего падаетъ обвиненія со стороны Черняева и нѣкоторыхъ русскихъ штабныхъ офицеровъ на военнаго министра Николича: а именно, въ неустройствѣ военной части, въ неспособности и въ парализаціи дѣйствій Черняева. Разныя столкновенія и несогласія между главнокомандующимъ и военнымъ министромъ привели къ разладу, а затѣмъ и во враждебное отношеніе, что называется не на животъ, а на смерть. Вообще Николичъ пользовался общимъ уваженіемъ и довѣріемъ страны и, будучи женатъ на теткѣ князя Милана, онъ состоялъ съ нимъ въ самыхъ лучшихъ и близкихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе Черняевъ поставилъ такимъ образомъ вопросъ,

что приходилось выбирать между нимъ и Николичемъ; и тутъ помогло первому общественное мнѣніе Россіи, и послѣдній палъ незаслуженно и вопреки желанію сербскаго общества. Я изъ нѣкоторыхъ моихъ сношеній съ Николичемъ пришелъ къ тому заключенію, что онъ не бросается своими способностями сразу, но тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ честнымъ людямъ, патріотически относившимся къ своимъ обязанностямъ и къ способнымъ министрамъ. Въ своей дѣятельности онъ былъ неутомимъ и всѣми своими средствами всегда былъ готовъ содѣйствовать успѣху дѣла. Развѣ можно его упрекать, что онъ не создалъ арміи, большаго контингента офицеровъ, интендантства и т. д.? Всѣ его распоряженія ограничивались бюджетомъ, выработаннымъ скупщиной; да и армія въ 5 т. регулярныхъ солдатъ, которыми Сербія располагала, была совершенно сообразна съ финансами маленькаго княжества. Артиллерія, по всѣмъ отзывамъ, была превосходно выучена и многочисленна; офицеры отлично образованы и въ особенности отличаются знаніемъ иностранныхъ языковъ. Ея стойкости и великолѣпной стрѣльбѣ сербы много обязаны, что турки несли большія потери при атакахъ. Что же касается до ея матеріальной части и вообще вооруженія, стоящаго на низкой степени, то Николичъ никогда не располагалъ такими средствами, чтобы завести лучшее. Возможно обвинять человѣка только въ томъ случаѣ, когда онъ могъ сдѣлать и не сдѣлалъ, какъ это было напр. съ бывшимъ военнымъ министромъ Румыніи, Флореску. Черняеву были извѣстны всѣ недостатки снаряженія арміи, они были налицо въ то время, когда онъ принималъ армію въ свое командованіе; но, осматривая ее, онъ пришелъ къ убѣжденію, что успѣхъ возможенъ даже наступательно, вопреки мнѣнію Николича и другихъ сербовъ, желавшихъ держаться оборонительно. Однимъ словомъ, онъ былъ лучшаго мнѣнія о сербской арміи, чѣмъ самъ военный министръ, и тѣмъ снялъ съ послѣдняго всякую отвѣтственность. Главнокомандующій обвиняетъ военнаго министра въ бездѣятельности и парализаціи его дѣйствій, т. е. чуть не равносильно измѣнѣ дѣлу. Это обвиненіе, ни на чемъ серьезномъ не основанное, мнѣ кажется возмутительнымъ; я объясняю его пустымъ желаніемъ сложить неудачи съ больной головы на здоровую. Возможно не сочувствовать планамъ, тѣмъ болѣе, что Черняеву не удалось доказать безошибочность своихъ разсчетовъ, но ни въ какомъ случаѣ и не откуда нельзя вывести, чтобы Ни-

количъ изъ личныхъ неудовольствій былъ бы способевъ быть Геростатомъ, прославившимся своимъ преступленіемъ, и привести на край гибели страну, которая ему ввѣрила столь высокое положеніе и продолжаетъ вѣрить въ его честность и патріотизмъ. Онъ не только не противодѣйствовалъ, но даже слишкомъ много уступалъ и тѣмъ содѣйствовалъ возвышенію Черняева не по заслугамъ.— вотъ гдѣ его вина! Когда я явился къ Николичу, онъ, пожимая мнѣ руку, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ просилъ не покидать Сербію, по примѣру другихъ добровольцевъ, и оставаться до конца неравной борьбы. «Русскіе слишкомъ требовательны», говорилъ онъ;«они не хотятъ принять въ соображеніе нашихъ средствъ», и затѣмъ продолжалъ: «но все, что мы можемъ, предоставляемъ для нашего общаго дѣла». Узнавъ, что я желалъ бы составить партизанскій отрядъ, онъ предлагалъ къ моимъ услугамъ полную горную батарею съ сербскою прислугою, если мнѣ таковая понадобится; видимо онъ былъ сторонникъ партизанской войны съ Турціей, считая ее единственно возможною для успѣха дѣла. О Черняевѣ онъ относился мягко и вполнѣ согласно со взглядами другихъ сербскихъ начальниковъ, т. е. „что генералъ нисколько не жалѣетъ людей и что такимъ образомъ можно вести войну, имѣя русскія войска, когда убыль скоро пополняется, но не съ милиціей Сербіи, гдѣ вся страна скоро погрузится въ трауръ и можетъ лишиться всѣхъ людей, способныхъ къ обработкѣ земли. Въ надеждѣ на помощь Россіи, мы могли держаться мѣсяцъ, полтора, два; но, пять— сверхъ нашихъ силъ; у насъ вѣдь подъ ружьемъ народъ, котораго призываютъ жены и дѣти, оставленные на произволъ судьбы; пустите ихъ домой повидать семью,—они могутъ драться, чтобы защищать свои кучи (дома), но не наступать». Онъ, при всѣхъ нашихъ свиданіяхъ и на улицахъ, при нечаянныхъ встрѣчахъ, освѣдомлялся обо всѣхъ моихъ дѣлахъ, выражая желаніе по возможности удовлетворить ихъ въ самомъ скоромъ времени. Вообще, я встрѣчалъ въ немъ полную предупредительность и всякую готовность помочь дѣлу. Я удивлялся его памяти и заботливости о мелочахъ, при такомъ разнообразномъ трудѣ. Ту же предупредительность онъ оказывалъ относительно другихъ русскихъ, охотно давая имъ командованіе отдѣльными частями и преобладающее значеніе надъ сербами. Дѣятельность его была поразительная; въ немъ сосредоточивались всѣ нити и главныя обязанности по интен-

дантской, артиллерійской и инженерной частямъ; во всемъ онъ принималъ непосредственное завѣдываніе; за всякимъ незначительнымъ дѣломъ обращались лично къ нему; ни одно распоряженіе въ военномъ министерствѣ не дѣлалось безъ его вѣдома и подписи; чтобы получить 35 паръ сапогъ изъ склада, я обращался къ нему за ордеромъ; и такъ все, начиная съ обмундировки и кончая высшими государственными соображеніями. Онъ занимался, не щадя себя, какъ истый патріотъ и способный министръ. Узнавъ его такимъ образомъ на дѣлѣ, я, не имѣя до тѣхъ поръ никакого понятія о личности военнаго министра, и напротивъ, предрасположенный къ генералу Черняеву, перешелъ изъ одного лагеря въ другой. Русскіе говорятъ, что въ министерствѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней нельзя добиться толку. Но развѣ есть какая-нибудь физическая возможность удовлетворить въ скоромъ времени всѣмъ разнообразнымъ требованіямъ военнаго времени, когда въ немъ сосредоточивается все управленіе и хозяйственная часть; здѣсь выдаютъ и принимаютъ заграничные паспорты добровольцамъ; отсюда даютъ приказанія въ склады на полученіе одежды и оружія; здѣсь же дѣлаются переводы денегъ; формированіе, комплектованіе и распредѣленіе частей войска; сюда же приходятъ за полученіемъ и отведеніемъ квартиръ, съ жалобами, что не во-время дали обѣдъ людямъ, или не дали въ такомъ размѣрѣ, какъ наканунѣ, прося опредѣлить положеніе. И все это двигалось и исполнялось администраціей микроскопической. Въ какомъ-нибудь казначействѣ военнаго министерства состоитъ до 10 человѣкъ, а во всемъ министерствѣ всего не болѣе 30. Министерство, будучи создано такимъ образомъ для мирнаго времени, продолжало свои отправленія съ поразительнымъ трудомъ въ военное время, когда армія разрослась до 150 тысячъ человѣкъ. У насъ при такомъ страшномъ развитіи бюрократіи, бываетъ зачастую трудно добиться толку по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ. Войдите въ нашъ главный штабъ, васъ поразятъ цѣлые полки пишущихъ и снующихъ взадъ и впередъ чиновниковъ. Мольтке также былъ удивленъ сложностію и дороговизною этого механизма, при существованіи военныхъ округовъ, слѣдовательно при системѣ децентрализаціи управленія. Въ Сербіи присутственныя мѣста открываются въ 7 часовъ утра и продолжаются до 1 часу, съ котораго до 3-хъ пополудни—время перерыва для обѣда и затѣмъ неустанная работа до 8—9 часовъ вечера и все

это при вознагражденіи какихъ-нибудь 300 рублей. Русскіе, приходя въ канцелярію, часто во время перерыва, раненые, усталые, безъ денегъ, раздраженные кажущейся апатичностью и медлительностью сербовъ, такъ какъ все дѣлается тутъ же, на виду въ двухъ трехъ комнатахъ, не могли хладнокровно переносить, выходили изъ себя и дѣлали дерзости этимъ честнымъ труженикамъ. У насъ чиновникъ, приходя въ канцелярію только къ первому часу и иногда читая газеты до 3—4 часовъ, получая несравненно высшій окладъ содержанія сербскихъ чиновниковъ, очень часто не удостаиваетъ даже выслушать дѣло со вниманіемъ и иногда цѣлыя недѣли и мѣсяцы не находитъ возможнымъ заняться разсмотрѣніемъ, дѣлая видъ не обязаннаго, а готоваго заняться вашею просьбою. Принимая все это во вниманіе, я, вопреки многочисленнымъ обвиненіямъ сербской администраціи, нахожу ее чуть ли не идеальною; она обходится казнѣ въ незамѣтный расходъ, каждый человѣкъ есть необходимое звено и работаетъ какъ волъ, ни одного лишняго писца, который могъ бы, ничего не дѣлая, жить на государственный счетъ; ея совсѣмъ незамѣтно, а между тѣмъ эта машинка управляла такою же арміей, какая по численности своей рѣшила судьбу Седана и Наполеона. Провіантская часть, эта вездѣ самая трудная, слабая и соблазнительная во всѣхъ государствахъ, въ Сербіи для оборонительной войны была очень хорошо устроена. Дай Богъ, чтобы у насъ всегда была въ подобномъ состояніи. Баранины, хлѣба, вина и водки было всегда вдоволь и хорошаго качества; округи княжества обязаны были поставлять всѣ эти продукты, каждый въ назначенныя части черезъ камордживъ, интендантской прислуги. Нѣкоторый безпорядокъ существовалъ только въ распредѣленіи и полученіи провизіи войсками на позиціи, такъ какъ не хватало чиновниковъ, а штабъ со своей стороны не назначалъ своихъ офицеровъ; но подобные безпорядки всегда возможны даже въ обыкновенное мирное время, а не только во время передвиженія войскъ. Проѣзжая черезъ Кишиневъ, я самъ слышалъ нѣкоторыя неудовольствія небольшихъ частей, отправлявшихся въ нашу южную армію, на то, что три дня не получали теплой пищи. Всѣ оклады жалованія состоящимъ на государственной службѣ были уменьшены до возможнаго minimum'а, а княгиня Наталія передъ войною заложила всѣ свои имѣнія въ Россіи. У насъ въ военное время

увеличиваютъ содержаніе почти вдвое; да оно и нельзя иначе, такъ какъ нѣкоторые патріоты смотрятъ на это бѣдствіе какъ на удобное время для поправленія своихъ торговыхъ дѣлъ и набавляютъ на все страшныя цѣны. Въ Сербіи же это уменьшеніе было принято служащими съ покорностью судьбѣ, какъ необходимая съ ихъ стороны жертва, безъ малѣйшаго ропота, и цѣны на всѣ продукты, предметы первой потребности остались почти такими же низкими, какъ были прежде. Наша Крымская кампанія показала, до какихъ грандіозныхъ размѣровъ доходили у насъ злоупотребленія казеннымъ имуществомъ, какъ исчезали воловьи парки въ безконечные карманы провіантскихъ чиновниковъ; въ Америкѣ, во время войны за освобожденіе, одинъ поставщикъ поставилъ на армію до 40,000 паръ сапоговъ съ бумажными подошвами; въ Сербіи же ничего подобнаго и тѣни не было. Нечего сказать, завидная наша культурность!? Я нарочно привелъ въ параллель наши домашнія дѣлишки и грѣхи, чтобы показать господамъ негодующимъ на Сербію за то, что она не поднялась на высоту самопожертвованія въ борьбѣ за идею, что мы видимъ слицу въ глазу другаго, а у себя бревна не замѣчаемъ. Не слѣдуетъ-ли намъ въ этомъ случаѣ снизойти до уровня взгляда серба. Они съ трудомъ поддаются продолженію борьбы, потому что нѣтъ ни одного человѣка въ княжествѣ, который-бы во имя ея не переносилъ-бы тяжелыхъ лишеній.

Не противодѣйствіе, а несочувствіе возбуждалъ къ себѣ Черняевъ со стороны Николича и всѣхъ другихъ сербскихъ военныхъ начальниковъ и не отъ личнаго самолюбія, а просто потому, что они были недовольнымъ дѣйствіями отъ начала до конца. Со смѣною военныхъ министровъ, въ угоду главнокомандующему, назначеніемъ на этотъ постъ Грунча, командовавшаго артиллеріей въ моравской арміи, русскаго по воспитанію, — онъ былъ въ Михайловской артиллерійской академіи, — казалось-бы должна была настать лучшая эра для русскихъ властей, а вышелъ для всѣхъ совершенно неожиданный оборотъ: онъ рѣшительно отказался давать отдѣльное командованіе русскимъ даже надъ русско-болгарскою бригадою, бывшею подъ командою Меженинова, а назначилъ серба Влайковича, служившаго у насъ въ арміи и въ Севастополѣ лишившагося ноги. Русскіе встрѣтили въ немъ большого противника; между тѣмъ, какъ мы знали, — его предшественникъ былъ только личнымъ врагомъ Черняева, но всѣмъ русскимъ давалъ ходъ. Этотъ

антагонизмъ между сербами и русскими начальственными лицами объясняется тѣмъ, что послѣдніе не знали страны и не понимали, чего возможно и чего нельзя было требовать; они старались захватить только побольше власти, а между тѣмъ при неудачахъ сваливали всю вину то на одного, то на другого сербскаго начальника, или сербское войско. Авторитетъ Россіи заставлялъ сербовъ сначала преклоняться предъ русскими. Но что же они увидѣлѣли? Что благодаря ихъ тактикѣ, сербы понесли страшные убытки кровью и имуществомъ, а между тѣмъ дѣло вездѣ проигрывалось. Неудовольствіе противъ русскихъ росло пропорціально неудачамъ. Подавляя самолюбіе, ради пользы дѣла, они продолжали подчиняться, но, передавая все въ руки нашихъ, они въ тоже время складывали всю отвѣтственность на нихъ. Чолокъ-Античъ, будучи самостоятельнымъ командующимъ ибарской арміей, пользовался довѣріемъ и любовью русскихъ и сербовъ; онъ нетолько съ полною готовностью уступилъ командованіе Новоселову, но и превратился въ преданнаго его помощника. Но что же изъ этой перемѣны вышло? Пока командовалъ Чолокъ-Античъ, сербы нетолько держались въ оборонительномъ положеніи, но и прогоняли турокъ, между тѣмъ какъ при Новоселовѣ они несли большія потери, отступили и потеряли лучшія позиціи. Иначе говоря, сербскіе военоначальники въ лицахъ Черняева, Новоселова, Медвѣдовскаго и другихъ не признали тѣхъ военныхъ дарованій, на которыя они разсчитывали и въ силу которыхъ они хотѣли предоставить своимъ гостямъ первенствующія роли. Поведеніе русскихъ добровольцевъ отталкивало сербовъ, которые, какъ я говорилъ выше, очень сдержанны, трезвы и умѣренны. Насколько русскіе цѣнились ими какъ солдаты, настолько же они были нелюбимы какъ люди. Требовательность русскихъ и ихъ живость, флегматичность сербовъ и общее непониманіе языка и другъ друга возбуждало въ нихъ взаимное раздраженіе; они даже не понимали хорошо храбрости русскихъ. Какъ, тѣ люди, которые такъ намъ страшны, русскими не ставятся, что называется, въ грошъ? Нѣтъ, думали они, вы намъ необходимы на позиціи и невыносимы здѣсь у насъ въ домѣ. Русскіе сознавали, что на нихъ смотрятъ какъ на пушечное мясо; и хотя они неспособны на высокомѣріе, что положительно не въ натурѣ русскаго человѣка, онъ всегда и во всемъ что называется bon enfant, но подчасъ своею грубостью и дерзостью бывали положительно не-

выносимы. Нѣкоторые изъ нихъ, въ самой оскорбительной формѣ, въ глаза сербскимъ офицерамъ называли сербовъ трусами и подлецами и говорили прямо, что имъ только обязана Сербія, что турки не въ Бѣлградѣ. Разсказывая же это постороннимъ, они, въ подтвержденіе этого факта, приводили примѣры, что сербы, во время сраженія, бросаютъ свои патроны и затѣмъ, подъ предлогомъ недостатка ихъ, просились уйти изъ фронта, конечно съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ не возвращаться. Иногда разбѣгались безъ всякой причины, или во время сраженія являлись проситься домой, чтобы повидать женъ и дѣтей. Бывало, что выходили изъ строя цѣлыми толпами, а проходя лѣсомъ или кукурузой, то ихъ еле выгонишь изъ теплаго мѣстечка. Разставляя пикеты, говорятъ: русскому, иди туда, тамъ турки, а сербу: стой здѣсь, не смѣй уходить, тутъ нѣтъ турокъ. Многіе изъ нихъ рѣзали себѣ пальцы, такъ что чуть-ли не $^2/_3$ было раненыхъ въ пальцы.

Вообще сербы и турки стоили другъ друга, дрались плохо, часто стрѣляли не цѣлясь, на вѣтеръ и небольшіе охотники идти въ штыки. Говорятъ, бывали примѣры, что, подойдя другъ къ другу на близкое разстояніе, они, какъ сговорившись, поворачивали назадъ и расходились въ противуположныя стороны, не смотря на то, что аттака была произведена правильно, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, сербы кричали «живіо», а Турки «Аллахъ! Аллахъ!» Частенько атаки понуждались угрозами русскихъ офицеровъ, а въ турецкихъ войскахъ кавалерія и артиллерія подгоняли пѣхоту. Все это, къ несчастію, правда; но тѣмъ не менѣе обвинять весь народъ въ трусости такъ нелѣпо, что я объ этомъ бы и не распространялся, если бы это мнѣніе не было бы такъ распространено. Не прирожденная трусость виною неудачи; Богъ не обидѣлъ въ этомъ сербскую націю, это уже доказывается однимъ племеннымъ родствомъ съ нашимъ великимъ народомъ и исторіею ихъ въ борьбѣ за освобожденіе; хотя очень понятно, что возставшій народъ долженъ имѣть большій процентъ трусовъ, чѣмъ отлично обученная армія, собранная изъ милліоннаго числа народа. Дѣло просто объясняется: сербы изнемогли въ безнадежной и безцѣльной борьбѣ и отказывались драться. Генералъ Черняевъ, желая прекратить самокалѣченіе и наказать примѣрно за трусость, велѣлъ судить одного изъ уличенныхъ. Судъ приговорилъ его къ разстрѣлянію. Все уже было готово, чтобы

исполнить казнь; уже шесть человѣкъ выступили передъ осужденнымъ, чтобы дать залпъ и хотѣли завязать глаза. «Нѣтъ, этого ненужно», сказалъ виновный, «стрѣляйте такъ; да подождите, передайте этотъ кошелекъ женѣ и дѣтямъ. А теперь стрѣляйте», продолжалъ онъ, отходя на дистанцію. Эти слова и дѣйствія, сказанныя хладнокровно человѣкомъ, обвиняемымъ въ трусости, дотого поразили начальство, что генералъ простилъ его. Не подтверждаетъ ли это мое мнѣніе?

Вообще храбрость и трусость, или способность владѣть собою въ опасные для жизни моменты съ большимъ или меньшимъ пренебреженіемъ къ жизни зависитъ отъ многихъ условій. Чувство самосохраненія есть врожденное, но владѣть этимъ вырабатывается отъ большей практики въ испытаніи. Пока не было опыта, человѣку трудно развить это чувство до nec-plus ultra и онъ самъ не знаетъ, будетъ ли онъ храбръ или трусоватъ; частая опасность и дрессировка чувства самосохраненія даетъ результатомъ закаленость и хладнокровіе. Безусловно храбраго также какъ и трусоватаго нѣтъ; иногда патентованные трусы въ виду неминуемой опасности защищались и нападали геройски, видя въ рѣшительномъ своемъ шагѣ шансъ на успѣхъ,—онъ рискуетъ. Все это относительно и зависитъ отъ многихъ условій. Храбрость увеличивается самоувѣренностію, что на вашей сторонѣ сила физическая или моральная; если человѣкъ почему нибудь убѣжденъ, хотя ложно, что онъ возьметъ верхъ, храбрость въ значительной степени увеличивается и, напротивъ, колебаніе и неувѣренность въ своей силѣ дѣлаютъ человѣка трусливымъ. Моральное состояніе имѣетъ большее значеніе здѣсь, чѣмъ физическая сила; такъ, когда моральное состояніе поколеблено, т. е. когда человѣкъ въ состояніи деморализаціи, то и физическая сила парализируется что называется опускаются руки, и теряется способность владѣть собою. Убѣжденіе въ превосходствѣ своихъ силъ увеличиваетъ храбрость, а противное тому состояніе, преувеличиваетъ опасность и производитъ панику. Самые извѣстные храбрецы испытывали моменты трусости, но способность владѣть собою до такой степени у нихъ была развита, что они немедленно подавляли ее. Будучи по большей части скромны, они всегда подтвердятъ на себѣ все мною сказанное.

Мнѣ разсказывалъ одинъ извѣстный кавказскій боевой офи-

церъ слѣдующее: „Въ лѣшихъ я не вѣрую, живыхъ и мертвыхъ не боюсь; привыкнувши къ войнѣ съ малыхъ лѣтъ, я такъ обстрѣлялся, что съ тросточкой ходилъ въ атаку и интересовало меня не то, что убьютъ или нѣтъ, а чѣмъ дѣло кончится; кто кого вздуетъ. Но бывало въ жизни, что и трусилъ. Въ одной крѣпости на Кавказѣ распространился слухъ, что что-то недоброе дѣлается по дорогѣ въ одно сосѣднее село; по вечерней зарѣ лѣшій, — что-ли? — но кто-то бродитъ; то въ видѣ копна сѣна двигается, двигается, и остановится; то въ видѣ собаки громадныхъ размѣровъ перебѣжитъ изъ одного мѣста въ другое. Баба придетъ дочиста ограбленная—говоритъ, что не помнитъ, какъ и что, но что лѣшій все снялъ, пока она лежала чуть не умирая со страху; при этомъ описывали, что и рога-то унего бараньи и хвостъ-то бычачій, а глаза большущіе такіе. Меня сильно подмывало любопытство, хотѣлось провѣрить и убѣдиться. Передъ вечерней зарей я взялъ двухстволку, обвѣшался оружіемъ и пошелъ окольнымъ путемъ, лѣсомъ, на виду къ дорогѣ, гдѣ по указаніямъ долженъ чертъ проказить. Пролежавши всю ночь и наблюдая за горизонтомъ, я ничего не видѣлъ и пошелъ ругать суевѣрныхъ дураковъ и дурь. Но они стояли крѣпко на своемъ; просили повторить опытъ и тогда ругать ихъ; они терялись въ предположеніяхъ, почему чертъ не показывался. Скрѣпя сердце, съ недовѣріемъ, опять отправился я такимъ же путемъ караулить грознаго лѣсовика.— Лежу часъ, лежу два; ничего нѣтъ. Но вотъ, о Боже! что со мною дѣлается, волосы мои дыбомъ становятся; я чувствую, что шапка моя отдѣляется отъ головы; да это правда; я этому самъ не вѣрилъ, что при сильномъ страхѣ волосы подымаются .Я чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ и схватился за ружье. Въ 200 шагахъ отъ меня, въ сторонѣ отъ дороги, двигалось копно сѣна, тихо, мѣрно, съ нѣкоторыми остановками. Я нѣсколько минутъ всматривался въ ея движеніе и не подавалъ признака жизни. Мало по малу, я пришелъ въ себя, самообладаніе вернулось; я выстрѣлилъ въ копно, откуда послышался глухой крикъ съ просьбою не стрѣлять; я бросился къ нему; но... „Ваше высокоблагородіе, простите!..“ Передо мною стоялъ вытянувшись писарь дивизіоннаго штаба, безъ роговъ и маски, но покрытый волосами и съ коровьимъ хвостомъ. Оказалось, что онъ давно уже практиковался обирать такимъ образомъ вѣрующихъ въ нечистую силу. Я знаю еще другой случай, про-

должалъ онъ. Въ горахъ и лѣсахъ жилъ старый лѣсникъ—козакъ, занимаясь охотою со времени своей отставки. Его русскіе и черкесы знали подъ именемъ дѣдушки и, охотившись, навѣщали его, чтобы переночевать. Вздумалось мнѣ попугать старика, увѣшеннаго георгіями и говорившаго, что онъ никого не боится. Въ темную ночь, часовъ около 12-ти, забрался я къ нему на крышу его сакли и давай кричать голосомъ, народнымъ повѣріемъ присвоеннымъ лѣшимъ, притоптывая ногами дробь. „Гу-гу-гу!“ выводилъ я съ малыми антрактами глухимъ и протяжнымъ завываньемъ. Накричавшись и отбарабанивъ ногами, черезъ нѣсколько минутъ сошелъ я внизъ и сталъ стучать въ двери. „Дѣдушка, отвори!“ Отвѣта нѣтъ. „Дѣдушка впусти!“—„Отойди, лѣшій, а то застрѣлю“, послышался голосъ лѣсовщика. „Это я, Ш., отвори, впусти переночевать“.—„Сотвори Отче нашъ?“ продолжалъ онъ. Сказалъ ему.—„А Св. Тройцу?“—Также.—„Ну, входи, сказалъ дѣдъ, весь трясясь; фу ты пропасть, какъ ты меня перепугалъ“. Вообразите, это такъ потрясло его, что онъ занемогъ и черезъ три дня умеръ! Миръ праху его, у меня лежитъ на совѣсти его смерть за этотъ опытъ храбрости! добавилъ разсказчикъ набожно, растроганный воспоминаніемъ.

Извѣстный французскій полководецъ Тюреннъ передъ началомъ сраженія вдругъ почувствовалъ трусость; Ah! tu trembles, vieille carcasse! Eh bien, va! Je veux te mener dans un endroit, ou tu va trembler encore davantage (А, ты трясешься, старый остовъ! Хорошо же! Ступай! Я поведу тебя въ такое мѣсто, гдѣ ты затрясешься еще больше). И съ этими словами, онъ далъ шпоры своему коню и помчался въ боевую линію.

Всѣмъ извѣстно, что молодые солдаты, небывшіе въ дѣлѣ, дѣйствуютъ нерѣшительно, иногда горячо наступаютъ, но неудачи скоро охлаждаютъ ихъ пылъ, деморализируютъ и они скорѣе поддаются паникѣ. Въ храбрости французовъ никто не сомнѣвался, а между тѣмъ бывали случаи прежде и въ прошедшую франко-прусскую войну, что безъ всякой видимой опасности цѣлыя дивизіи мобилей бѣжали съ поля сраженія. Иногда войска въ бою, объятыя паникой, обращались въ трусливое стадо даже отъ несравненно слабѣйшаго непріятеля, но, будучи одушевлены офицерами, которымъ они довѣряютъ, они останавливались, приходили въ себя и обращались въ героевъ. Изъ нашей военной исторіи извѣстенъ фактъ: когда нѣсколько баталіоновъ суворовской арміи, не выдержавъ на-

пора превосходныхъ силъ,—побѣжали, то геніальный полководецъ подскочилъ къ нимъ и, желая ободрить, вскричалъ: „Заманивай, заманивай ребята; ну, а теперь — впередъ, ура!“ Войска обратились на непріятеля и разбили на голову. Въ эту сербскую войну одинъ рядовой русскій уходилъ въ лѣсъ отъ нападавшихъ на него шести человѣкъ; турки уже совсѣмъ его нагнали, но онъ въ моментъ обернулся къ нимъ и ударилъ въ штыкъ. Турки такъ были поражены этою неожиданностію, что обратились въ бѣгство.

Бываетъ такъ, что одни и тѣ же полки въ одномъ дѣлѣ дѣйствуютъ стойко и хладнокровно, а въ другомъ — нерѣшительно, боязливо; это оттого, что въ первомъ случаѣ они были увѣрены въ успѣхъ, а во второмъ сомнѣвались, хотя и выиграли. Замѣчено, что люди очень храбрые съ женитьбою сдѣлались осторожными; мысль объ участи жены и дѣтей долго преслѣдуетъ людей домовитыхъ, что они только исполняютъ свой долгъ службы. Убѣжденіе въ этомъ случаѣ въ обезпеченность семьи на случай смерти пенсіей или своими средствами возбуждаютъ большую рѣшительность за общее дѣло. Увѣренность въ своей силѣ увеличивается сознаніемъ, что человѣкъ вооруженъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ для отпора, нисколько не хуже своего врага; вообразите обратное; когда существуетъ сознаніе, что вооруженіе недостаточно, чтобы имѣть перевѣсъ, можетъ-ли это имѣть вліяніе на духъ, а слѣдовательно и на силы борца.

Прилагая всѣ вышеозначенныя теоретическія разсужденія къ сербамъ, мы увидимъ, что нельзя обвинять ихъ въ недостаткѣ патріотизма, культурности, а также въ трусости. Народъ просто изнемогалъ подъ тяжестью борьбы непосильной. Чувствуя свое полное безсиліе помочь страждущимъ братьямъ, онъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи бросаетъ ряды, оружіе и расходится по домамъ; онъ думаетъ: что будетъ, то будетъ, но хуже этого ничего не можетъ быть, и бѣжитъ искать свою семью, которая, можетъ быть, умираетъ съ голоду.

Вся сербская армія раздѣляется на постоянныя регулярныя войска, называемое стоячее войско, и резервы 1-го, 2-го и 3-го класса. Сербскіе стоячіе баталіоны дерутся очень хорошо и ничѣмъ не уступаютъ русскимъ, но ихъ не болѣе 5,000. Все остальное—милиція, едва имѣющая понятіе о ружьѣ. Только до 10,000 изо всей арміи вооружены ружьями, заряжающимися съ казенной

части, системы Пибоди, очень неудовлетворительными; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, экстракторъ дурно освобождаетъ гильзу, приходится выбивать или заряжать съ дула, на что теряется еще больше времени, чѣмъ на заряженіе обыкновеннаго ружья.

Вся остальная армія вооружена пистонными ружьями, а въ народѣ вы зачастую встрѣтите даже кремневыя дѣдовскія. Сербская артиллерія выучена превосходно, но въ матеріальномъ отношеніи очень дурная; пушки старыя, много горныхъ; всѣ бьютъ на небольшія дистанціи, гораздо ниже турецкой, гдѣ большею частію превосходныя, круповскія, заряжающіяся съ казенной части. Можно смѣло сказать, что стрѣльба турецкой артиллеріи вдвое дѣйствительнѣе сербской. Чувствительный вредъ эта послѣдняя наносила только при атакѣ турецкихъ войскъ, выказывая свое полное превосходство въ хладнокровіи и прицѣльности. Я не говорю уже о превосходствѣ вооруженія и способности передвиженія турецкой пѣхоты. — Абдулъ-Азисъ, передавая громадныя государственныя деньги, оставилъ на память имперіи: броненосный флотъ и превосходное вооруженіе, системъ Шнейдера, Генри-Мартини и Бердана; отличныя орудія и превосходно разрывающіяся гранаты. Даже черкесы были вооружены карабинами магазинной системы, гдѣ 12 патроновъ кладется въ часть приклада и одно давленіе курка выпускаетъ въ нѣсколько секундъ одну пулю за другой. Вооружить молодыя войска подобными ружьями безполезно, даже вредно, такъ какъ люди ажитированные выпустятъ страшное количество патроновъ безъ всякой пользы, и никакой запасъ невозможенъ. Но въ рукахъ горца или нашего линейнаго казака—это чистый кладъ, каждая пуля можетъ быть въ строку.

А возьмите въ соображеніе моральное состояніе серба. Русскій народъ и главное солдатъ привыкъ смотрѣть на турка, какъ на что-то низшее себѣ существо; онъ привыкъ видѣть въ немъ человѣка съ меньшими качествами, физическими и моральными; нѣмецъ, французъ, англичанинъ достоенъ уваженія; а турка, черкесъ—это совсѣмъ другое; въ особенности послѣдній, по выраженію казаковъ, подлый человѣкъ; наровитъ взять только хитростію и лукавствомъ. Нѣтъ, пожалуй на чистое поле, грудь съ грудью, вотъ это другое дѣло. Въ одномъ сраженіи, въ азіятской Турціи, въ послѣднюю войну, турецкая армія была разбита, но на высо-

тахъ нѣкоторые баталіоны еще стойко держались. Въ одной изъ близь стоящихъ къ нимъ ротѣ, маленькій невзрачный солдатикъ, крикнулъ своему командиру: „А смотрите ваше благородіе, турки-то еще стоятъ!“ Въ одинъ мигъ, какъ по электрическому току, бросились они на осмѣлившихся еще стоять турокъ, и остатки непріятельской арміи были разнесены въ нѣсколько минутъ. Совсѣмъ другое турокъ и черкесъ въ понятіи сербовъ; турокъ есть сила, которая цѣлые вѣка заставляла себя уважать и трепетать; а варварская расправа черкеса приводитъ въ ужасъ кроткаго серба. Сознаніе несоразмѣрнаго численнаго превосходства турокъ, ихъ оружія и выправка—все это убѣждаетъ его въ неодолимости турокъ при всѣхъ отчаянныхъ усиліяхъ съ его стороны. Онъ знаетъ, что въ концѣ концовъ онъ ничего не выиграетъ и всѣмъ рискуетъ; при такомъ безнадежномъ состояніи развѣ возможно драться? Вы спросите: а примѣръ русскихъ и черногорцевъ развѣ неспособенъ вдохновить серба, подкрѣпить его, повліять на него морально; офицеры, которыхъ солдаты любятъ, имѣютъ громадное значеніе; любимаго начальника солдатъ никогда не оставитъ, зажмуря глаза пойдетъ за нимъ, что называется въ огонь и воду. Но, чтобы офицеры получили такое довѣріе, необходимо, чтобы ихъ понимали и уважали, видѣли въ нихъ авторитетъ. Вотъ этого-то русскіе офицеры въ сербскихъ войскахъ и не могли заслужить. Не зная сербскаго языка, они не могли близко сойтись съ милиціонеромъ и открыть имъ свои хорошія, русскія качества, свою доброту, простоту обхожденія, готовность раздѣлить послѣднее и, ради этого, простить имъ тѣ недостатки, которые прежде всего и прямо кидались въ глаза сербовъ. Они никакъ не могли помириться съ грубостію обращенія и нетрезвымъ поведеніемъ. Будучи сами трезвы, они не довѣряли и не понимали людей, идущихъ впередъ въ полу-пьяномъ видѣ, угрожающихъ имъ саблей, или револьверомъ. Они думаютъ: иди, братъ, впередъ, пьяному море по колѣно! Тебѣ нечего терять, можетъ быть только и есть, что одна душа; а у меня малыя ребята да жена. Теперь, когда я сражаюсь за другихъ, сами же Богъ знаетъ, что дѣлаютъ. Пусть сражаются эти люди, не имѣющіе ни кола, ни двора; до вашей страны не доберутся турки, а мы останемся съ ними сосѣдями. Не лучше-ли намъ жить съ ними въ мирѣ? Тѣмъ болѣе, что они вреда намъ никакого не сдѣлали, а Россія не посылаетъ намъ помощи, хотя и обѣщала уста-

ми Черняева. Нѣтъ, будь вы прокляты; результатомъ вашей тактики мы разорили треть своей страны.

Во время перемирія сербы сговаривались съ турками — не стрѣлять другъ въ друга, а убивать лучше своихъ офицеровъ, заставляющихъ ихъ драться; многіе изъ русскихъ были убиты или ранены сербами; а послѣдніе не подбирались, они совершенно не считали это своею обязанностію; чтобы вынести раненаго съ поля сраженія, они зачастую торговались, сколько дадутъ дукатовъ, были примѣры, что приходили жаловаться въ штабъ на неполную уплату; конечно, ихъ оттуда гнали въ шею. Впрочемъ, убійство офицеровъ не есть исключительное явленіе только въ сербской арміи. Подобное обстоятельство вездѣ случается. Насколько солдаты могутъ быть полны самоотверженія, относительно любимаго начальника, настолько же они иногда пользуются случаемъ отомстить людямъ, которыхъ они ненавидятъ и во время боя зачастую спроваживаютъ на тотъ свѣтъ. Одинъ офицеръ разсказывалъ мнѣ, что въ Туркестанѣ, во время самаго сраженія, одинъ рядовой рядомъ стоящей роты сказалъ своему офицеру, отмѣривая вершка два по штыку: „А ты, ваше благородіе, видѣлъ?“ т. е. угрожая ему въ случаѣ чего либо воткнуть въ него; но хорошъ тотъ офицеръ, который при этомъ даже не поморщился. Были примѣры и глубокой преданности сербовъ своимъ русскимъ начальникамъ. Капитанъ Протопоповъ, командиръ русско-сербскаго баталіона тимокской арміи долго былъ любимъ сербами, что они ни за что не хотѣли его отпустить въ Алексинацъ, боясь, что онъ ихъ совсѣмъ покинетъ. Долго пришлось Протопопову однихъ уговаривать, а другихъ и выругать за собачью преданность; ему еле-еле удалось вернуть ихъ съ дороги въ этотъ-же городъ, куда они отправились за нимъ и понудить подчиниться новому начальнику. „Мы съ тобою и умереть готовы“, говорили они ему разстроенные разставаніемъ. Бросаніе патроновъ, самокалѣченіе и другія выходки дѣлались не изъ трусости, а изъ нежеланія приносить ради ближняго непосильныя жертвы, тогда какъ весь міръ только занимался пререканіями и посылкою санитаровъ.

Сравнивая дѣйствія черногорцевъ и сербовъ, мы конечно замѣтимъ громадную разницу, говорящую не въ пользу послѣднихъ. Мы видимъ, что одного вида черногорцевъ бывало доста-

точно, чтобы турки показывали тылъ. Черногорцы дерутся героями не отъ вѣка сего — это остатокъ рыцарства; у нихъ больше пылу и ловкости, чѣмъ у русскихъ; послѣдніе гораздо сдержаннѣе, охотно стрѣляютъ и по приказанію ломятъ напроломъ. Стрѣльба же для черногорца—непріятное препровожденіе времени, ихъ еле сдерживаютъ; глаза горятъ, ноздри раздуваются, какъ у горячей лошади, бѣгомъ, съ крикомъ, летятъ они на турокъ съ ятаганами и рубятъ головы и носы, какъ ловкіе повара котлеты. Они сшибаютъ турецкую голову однимъ ударомъ и въ то же время отпарируютъ ударъ противника лѣвою рукою, почему послѣдніе большею частію изранены,—и продолжаютъ рѣзню до послѣдней возможности.

Но почему же такая громадная разница въ дѣйствіяхъ серба и черногорца? Вѣдь это люди одного племени, языка и вѣры. Можетъ быть послѣдніе культурнѣе и борьба за идею болѣе доступна ихъ пониманію? Напротивъ, черногорецъ стоитъ на низшей степени гражданственности, нежели сербъ. Разсматривая глубже этотъ вопросъ, мы очень легко найдемъ всему этому разъясненіе. Черногорцы расположены большею частію на безлюдной дикой, гористой и каменистой мѣстности; относительная ихъ бѣдность дѣлаетъ равнодушными ко всевозможнымъ лишеніямъ и невзгодамъ. Въ силу своей малочисленности, они, какъ черкесы, всѣ съ мала до велика вооружены съ головы до ногъ; на черногорцѣ цѣлый арсеналъ оружія. Онъ не любитъ трудиться и ничего не дѣлаетъ; всѣ обязанности и заботы принадлежатъ женщинѣ. Самъ онъ, потягивая трубку, проводитъ время въ праздности и въ воспоминаніи о доблесляхъ героевъ въ борьбѣ противъ ихъ заклятыхъ враговъ турокъ. Въ постоянной войнѣ съ этимъ народомъ, они выработали свою традиціонную тактику. Какъ черкесы у насъ на Кавказѣ, такъ они у себя въ горахъ избѣгали вступать въ открытый, неравный бой съ многочисленною, пѣхотою вооруженною огнестрѣльнымъ оружіемъ и артиллеріей. Съ ловкостію сернъ, они перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое, показываются то впереди, то въ тылу у непріятеля, и маневрируютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не втянется въ ущелье на засаду, или вообще въ мѣстность, благопріятную для внезапнаго нападенія и для дѣйствія холоднымъ оружіемъ. Тогда они даютъ залпъ, и съ дикимъ крикомъ бросаются въ ятаганы. Неожиданность и быстрота нападенія производятъ по-

трясающее дѣйствіе; турецкія войска, объятыя паникой, смѣшиваются, бѣгутъ, давя другъ друга, сами не зная куда, и черногорцы разносятъ весь отрядъ въ дребезги. Если черкесы, при такой же почти тактикѣ, приносили нашимъ войскамъ иногда большой ущербъ, то что же могло быть у турокъ, не имѣющихъ стойкости русскихъ солдатъ, и противника черногорца, гораздо больше владѣющаго хладнокровіемъ, чѣмъ нашъ горецъ. Вообще азіятцы хотя иногда горячо нападаютъ, но не имѣютъ стойкости и скоро поддаются паникѣ. Такъ было прежде, такъ и теперь; они оставались побѣдителями потому, что не выходили изъ дому и наступали только для довершенія пораженія или при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ они всегда били турокъ, несмотря на свою малочисленность; самый разгромъ ихъ для нихъ не былъ чувствителенъ и, зная, что турки боятся ихъ, они относятся къ нимъ съ презрѣніемъ. Если бы они измѣнили свой образъ дѣйствій, оставили бы свои дома, начали бы наступательную тактику, пошли бы на Царьградъ, то, конечно, въ концѣ концовъ, также какъ и сербы, были бы разбиты, хотя бы и были въ такомъ же числѣ, какъ и послѣдніе. Цѣлый рядъ пораженій могъ бы тоже деморализировать ихъ и тогда они очень легко могли бы перейти отъ презрѣнія къ уваженію и даже къ страху. Въ настоящее время огнестрѣльное оружіе и артиллерія является рѣшителемъ побѣдъ и личное юначество уже не имѣетъ того значенія, какъ прежде, въ періодъ борьбы холоднымъ оружіемъ, или огнестрѣльнымъ на малыя дистанціи. Черногорцы не выносятъ огнестрѣльнаго оружія и не поддаются дисциплинѣ, въ противоположность мягкимъ сербамъ; одинъ, два выстрѣла и затѣмъ такъ и рвутся въ рукопашную. При такой системѣ веденія войны, на открытой мѣстности, при нынѣшнемъ огнестрѣльномъ оружіи, бьющемъ на 2,000 шаговъ и артиллерія на 3—4 версты, конечно, едва-ли $^1/_{10}$ часть доберется до врага, чтобы схватиться грудь съ грудью, или отсѣчь голову или носъ. Совсѣмъ другое—сербскій милиціонеръ. Плодородная почва, отличный климатъ и трудъ дали ему достатокъ; онъ отличный семьянинъ и не знаетъ оружія. Турокъ его совсѣмъ не безпокоитъ и никакого съ нимъ дѣла не имѣетъ, а если есть какія либо торговыя отношенія, то самыя мирныя, дружелюбныя. Эпохи геройской борьбы за независимость давно прошли и оставили въ немъ смутное воспоминаніе, а конституція и самодѣятельность увлекаетъ его

на путь гражданственности. Онъ думаетъ такъ: „я желалъ бы помочь братьямъ, но для меня это не по силамъ; я хотѣлъ защитить ихъ отъ раззоренія турокъ, но въ тоже самое время самъ подвергаюсь раззоренію. На мѣстѣ, гдѣ у меня былъ домъ, ни осталось теперь камня на камнѣ; гдѣ я былъ такъ счастливъ, я не нахожу моей жены и дѣтей. Гдѣ они? Не умерли ли съ голоду и холоду. Нѣтъ, лучше уйду искать ихъ, помочь имъ; можно помогать и другимъ, но не въ ущербъ себѣ, это слишкомъ страшная цѣна; мнѣ не по силамъ этотъ подвигъ христіанскій,—геройскій. Можно помогать соразмѣрно обстоятельствамъ. Нищему даемъ нѣсколько копѣекъ, но если будемъ раздавать все свое состояніе, то сами останемся безъ ничего.

Смѣшно обвинять сербовъ— крестьянъ въ трусости потому, что они не имѣютъ оружія и всего снаряженія для успѣшной борьбы. Мы же вѣдь то же потеряли крымскую кампанію изъ-за оружія, имѣя не милицію, а армію одинаковой численности съ союзными государствами, т. е. въ ровныхъ силахъ съ непріятелемъ, и имѣя борьбу только въ двухъ пунктахъ: въ Севастополѣ и Малой Азіи. Нужно еще удивляться, какимъ образомъ, когда Французская имперія сдавала слишкомъ статысячныя арміи безъ боя равносильнымъ пруссакамъ и проиграла всю кампанію въ 6 недѣль, а Австрійская была побѣждена въ двѣ недѣли; обѣ при совершенно ровныхъ условіяхъ борьбы, численности оружія и артиллеріи, то какимъ же образомъ княжество Сербія (размѣромъ напа орловская губернія) могла продержаться при общемъ давленіи около пяти мѣсяцевъ. Вѣдь это просто смѣшно присоединяться къ Черняевскому хору и обвинять сербовъ, что они не имѣли столько храбрости, чтобы идти съ голыми руками выгонять турокъ изъ Европы и взять Константинополь, который чуть не имѣетъ столько же жителей, какъ вся Сербія. Вѣдь это было бы въ полномъ смыслѣ самоубійство.

Продолжительность этой кампаніи я объясняю ни столько богатствомъ, образцовымъ благоустройствомъ Сербіи, стойкостію ея артиллеріи и нашихъ добровольцевъ, сколько общею и всегдашнею нерѣшительностію въ дѣйствіяхъ турецкой арміи. Это, къ счастію сербовъ, недостатокъ ихъ тактики веденія войны. Они, какъ и всѣ азіятцы, отлично защищаются въ стѣнахъ, но не имѣютъ должной стойкости и выдержанности въ чистомъ

полѣ. Въ эту войну, дѣйствуя рѣшительнѣе, что называется наступая по пятамъ, турки давнымъ давно могли занять всю Сербію въ особенности послѣ взятія Дьюниша, когда моравской арміи не существовало; прежде, чѣмъ ультиматумъ могъ бы дойти до главнокомандующаго турецкой арміи, дѣло было бы все кончено,— вся Сербія вплоть до Бѣлграда могла бы быть въ рукахъ турокъ и залита кровью; даже еще раньше, дней десять тому назадъ, когда сербы разбитые бѣжали съ Креветскихъ высотъ. Турки вообще рѣдко преслѣдуютъ разбитую армію, почему и успѣхъ ихъ бываетъ самый ничтожный; но за то такъ превосходно окопаются на занятой ими позиціи, что взять ее обратно—чрезвычайно трудно; это не то, что сербскія укрѣпленія, построенныя кое-какъ. Правда, сербская артиллерія и русскіе добровольцы дѣлали свое дѣло и наносили иногда ущербъ, но тѣмъ не менѣе при нѣкоторой настойчивости и рискуя немного больше жертвами, это обстоятельство не могло бы служить серьезнымъ препятствіемъ скорѣйшему окончанію этой кампаніи.

Кстати, нужно что-нибудь сказать о русскихъ женщинахъ, встрѣченныхъ мною въ Сербіи. Этотъ видѣнный мною прекрасный полъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: первая, большая часть— сестры милосердія – были распредѣлены по госпиталямъ и, смотря по способностямъ и навыку, приносили свою долю пользы. Я всегда съ глубокимъ удивленіемъ и уваженіемъ смотрѣлъ на этихъ женщинъ въ сѣрыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ капюшонахъ и съ крестами на груди. Изъ нихъ выдающихся по своей дѣятельности было много, но, къ сожалѣнію, нѣкоторыя фамиліи уже улетучились изъ моей памяти, упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ: г-жи: Сабинина, Дараганъ и баронесса Фредериксъ прибыли въ Сербію изъ Ялты, гдѣ были основательницами женской общины, въ мѣстѣ расположенія ихъ имѣній; изъ нихъ первая была начальницей и удивляла меня своимъ административнымъ тактомъ. Княгиня Шаховская завѣдывала общиной, состоящею изъ 30 сестеръ милосердія изъ Москвы на счетъ славянскаго комитета. Вышепоименованныя лица, по своему воспитанію и образованію, съ хорошимъ состояніемъ, принадлежали къ цвѣту нашихъ женщинъ. Они съ полнымъ самоотверженіемъ древнихъ христіанокъ, съ кротостію и терпѣніемъ исполняли всѣ самыя непріятныя и щекотливыя для женскаго чувства обязанности. Смотря на нихъ, самый непримиримый мизантропъ поколеблется въ своихъ

вѣрованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гадостей въ свѣтѣ во всѣхъ видахъ много, жизнь можетъ быть противна и къ людской добродѣтели можно относится очень скептически; но уже одно такое исключительное явленіе можетъ васъ поколебать и помирить съ мыслію, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Другая категорія—это были женщины, появившіяся въ лагеряхъ добровольцевъ. Всѣ онѣ пріѣхали лечиться отъ неудачной любви—это контингентъ обманутой иллюзіи. Здѣсь уже является совсѣмъ другой типъ; тамъ—кротость и крестъ, здѣсь — протестъ и недовольство своимъ положеніемъ, общее разочарованіе и болѣзнь сердца. Первой категоріи вы удивляетесь, а вторая вызываетъ чувство сочувствія и жалости; тамъ видите женственность, а здѣсь—энергія, ненормальность и натяжка. Между ними одно общее, что всѣ онѣ въ своихъ подвигахъ, хотя различныхъ по существу, желали заглушить житейскую внутренно-душевную пустоту. Живя однимъ и тѣмъ же сердцемъ, онѣ утѣшали его біеніе различными пріемами, сообразно своихъ натуръ и возраста. Я имѣлъ случай встрѣтить трехъ женщинъ этой послѣдней категоріи и былъ пораженъ, увидѣвъ въ нихъ столько ума, развитости и самостоятельности. Всѣ трое онѣ обладали красивою наружностью и принадлежали къ хорошей семьѣ. Чтобы затушить въ себѣ неумолимо точившій ихъ червячокъ, онѣ готовы были на всевозможныя выходки и экцентричности, иногда, зажмуря глаза, съ омерзеніемъ, какъ говорится, выбивая клинъ клиномъ. Одна изъ нихъ, В—ва, по пріѣздѣ на позицію въ Алексинацъ, была скоро сосватана человѣкомъ, котораго она совсѣмъ не знала. „Зачѣмъ вы выходите замужъ?“ спрашиваю я ее съ большимъ участіемъ, зная, что между ею и ея выборнымъ нѣтъ ничего общаго.—„Par dêpit“, отвѣчаетъ она бойко, мило картавя, и затѣмъ продолжала желчно и умно балагурить.—„Но сознаете-ли вы, чему подвергаетесь, соединяя вашу судьбу съ человѣкомъ, совершенно вамъ чуждымъ, незнакомымъ, нелюбимымъ и вообще никакимъ образомъ не подходящимъ“, продолжалъ я съ удвоенною энергіею, какъ-бы ее отговаривая.—„Отлично все это знаю, но у меня нѣтъ сердца, оно осталось въ Россіи, мнѣ теперь безразлично, за кого-бы не выходить. Я хочу быть замужемъ именно за такимъ, чтобы жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, и этою пыткою заглушить всѣ мои страданія“. — „Отчего вы никого не полюбите?“ говоритъ одинъ изъ многихъ претендентовъ на сердце другой хорошенькой блондинки

въ pince-nez, г-жи С. — „Оттого, что я уже любила моего мужа, отъ котораго бѣжала изъ Россіи", отвѣчала она коротко и ясно. Эта послѣдняя переодѣвалась въ мужской костюмъ, сказала верхомъ, спала съ офицерами въ палаткѣ и вообще дѣлала всевозможныя оригинальныя выходки; но тѣмъ не менѣе поведеніе ея было безупречно и она считалась неприступною. Хотя злые языки и говорили въ тихомолку, что она отдавала кому-то преимущество; но вѣдь это общій законъ—сердце не камень. Разсказывали мнѣ, что иногда, когда расходившіеся не въ мѣру языки полупьяныхъ добровольцевъ преступали границы приличія, то при всей ея кажущейся бравурности, женская стыдливость брала верхъ и тогда она однимъ своимъ взглядомъ и силою своего нравственнаго превосходства, или однимъ поднятіемъ пальца останавливала болтуновъ съ прилѣпленными къ гортани языками. Слышали даже почью глухое всхлипываніе въ подушку изъ ея уголка; но на вопросъ, она-ли плакала и отчего?—бѣдная уличенная отпучивалась и выворачивалась какъ могла.

Насмотрѣвшись на такія явленія, выносишь самое грустное, подавляющее впечатлѣніе; видишь силу, украшеніе, перлъ Божьяго созданія погибающими; а Машки, Сашки, цыганки и цѣлыя сотни Аделей, Маргаритъ и Бланшей торжествующими. Откуда берется подобное извращеніе вкусовъ? Не береть-ли русская женщина верхъ надъ полуклассикомъ недоучкой, мужчиной неспособнымъ къ самодѣятельности и семейной жизни? Многіе изъ нихъ, истощивъ свой карманъ и здоровье, видятъ въ бракѣ только спасеніе отъ кредиторовъ и не представляютъ взамѣнъ женщинамъ ни культуры, ни живаго организма.

Часто обвиняли Грецію и въ особенности Румынію въ нежеланіи помочь христіанамъ, а послѣднюю также въ томъ, что не поддерживаетъ оружіемъ свои требованія полной политической независимости отъ турецкой верховной власти, что правительство княжества стѣсняло иногда провозъ въ Сербію оружія и русскихъ добровольцевъ, и что румыны виляютъ и выжидаютъ, чтобы вытащили для нихъ каштаны чужими руками. Во всемъ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и конечно, подобная непрямодушная политика и рѣчи нѣкоторыхъ румынскихъ руссофобовъ должны раздражать русскихъ; тѣмъ болѣе, что политическая свобода Румыніи куплена нашею русскою кровью. Но, разбирая во-

сточный вопросъ ни съ точки зрѣнія юноши, готоваго, очертя голову, броситься на арену ко льву, чтобы поднять перчатку своей возлюбленной, а со взглядомъ человѣка, имѣющаго все необходимое для удовлетворенія своей физической и духовной жизни, тогда мы согласимся, что не слѣдуетъ легко рисковать потерять все благополучіе изъ чисто рыцарскаго увлеченія, изъ любви къ ближнему или изъ благодарности къ Россіи. Въ политикѣ дипломаты не руководствуются благодарностію, а только личною государственною пользою. Племенное родство сербскаго народа съ угнетенными народами, и наконецъ, полное соприкасаніе интересовъ сосѣдства и отличное хозяйство могли понудить сербское правительство попробовать счастіе. Румынія же этого положенія не имѣетъ, а между тѣмъ денегъ нѣтъ и кредита никакого. Двуличное же поведеніе,— есть вообще удѣлъ слабыхъ зависимыхъ, какъ лицъ, такъ и государствъ, и всякой другой народъ, если онъ не сумашедшій, или не обманутъ въ собственныхъ своихъ силахъ, или ожиданіяхъ помощи, поступалъ-бы также въ этомъ дѣлѣ, какъ соединенное княжество Молдаво-Валахія. Какъ иначе прикажете угодить разнороднымъ интересамъ сильныхъ сосѣдей и соединить интересъ человѣколюбія со страхомъ быть самой раздавленной?

Между Сербіей и Румыніей мало общаго. Въ первой — патріархальность нравовъ, благоустройство, полное довольство и благочиніе; особенныхъ признаковъ цивилизаціи XIX-го столѣтія—желѣзныхъ дорогъ, музеевъ, великолѣпныхъ сооруженій—вы не замѣтите. Въ Румыніи, напротивъ, внѣшность блестящая и общій лоскъ; отличныя улицы, напр. въ Яссахъ, асфальтовыя мостовыя, блестящіе кафе-рестораны, кондитерскія и хорошія зданія: но денегъ нѣтъ, желѣзныя дороги приносятъ только убытокъ, рестораны мало посѣщаются, общая дороговизна, слѣдовательно и развратъ. Бухарестъ, и въ особенности Яссы, полны евреями; они положительно забрали въ руки этотъ богатый и превосходный край, и хотя de jure они не могутъ быть пріобрѣтателями имѣній бояръ, но de facto они полные хозяева, такъ какъ румынское дворянство почти все въ долгу. Впрочемъ, правительство, подъ давленіемъ палатъ, принимаетъ всѣ мѣры къ уменьшенію эксплоатаціи страны евреями; въ этомъ случаѣ княжество находится нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ сосѣдняя бессарабская губернія да и весь нашъ Сѣверо-Западный и Юго-западный край,

гдѣ царствію израильскому нѣтъ конца. Румыне, что называется, добрые малые, воспитаны на французскій ладъ и неспособны къ усидчивому труду и промышленности, а потому страна эта чрезъ погоню за цивилизаціею и наружнымъ лоскомъ находится въ нуждѣ, а Сербія, идя впередъ черепашьимъ шагомъ и забирая для себя только необходимое, не скользитъ на поверхности и находится въ полномъ благополучіи. Сербія, какъ страна демократическая, не имѣетъ крайностей: ни богачей-баръ, ни бѣдняка-крестьянина или пролетарія; тамъ—средній уровень; напротивъ, аристократическая, со всѣми титулами и гербами Румынія имѣетъ нѣсколько дворянъ, не успѣвшихъ растратить свое состояніе въ Парижѣ, банкировъ съ дутымъ кредитомъ и крестьянъ, живущихъ въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ земледѣльцы-сербы. Дешевизна въ Сербіи даже въ военное время замѣчательная; напр. въ Бѣлградѣ, въ отеляхъ, за обѣдъ въ пять блюдъ платятъ $1^1/_2$ франка, а квартиры въ 3 комнаты отъ 8—12 рублей въ мѣсяцъ: между тѣмъ, какъ въ Бухарестѣ въ громадныхъ, великолѣпныхъ, но пустыхъ отеляхъ берутъ за тотъ же обѣдъ отъ 3-хъ до 4-хъ рублей, и все вообще очень дорого даже для петербуржца, привыкшаго къ большимъ цѣнамъ. Соединенное княжество почти въ $3^1/_2$ раза больше Сербіи и могло-бы быть богаче, такъ какъ географически оно лучше расположено для транзитной торговли и эксплоатаціи своего внутренняго производства. Но въ первомъ оно не разработывается по недостатку капиталовъ, а въ Сербіи потому, что неимѣется въ нихъ надобности.

Проѣзжая чрезъ Румынію, я убѣдился, что сочувствіе къ христіанамъ Балканскаго полуострова очень значительно, русскіе повсюду встрѣчаютъ не только симпатичное отношеніе, но и дружеское участіе; нѣкоторымъ отрядамъ дѣлались обществомъ даже оваціи. Но изъ разговоровъ моихъ съ ех-министромъ Когальничано и нѣкоторыми депутатами, я замѣтилъ, что многіе изъ нихъ относятся къ нашему правительству скептически. Такъ одинъ изъ нихъ, очень почтенный и развитой человѣкъ, прямо говорилъ: „А кто поручится, что ваши войска выйдутъ изъ Румыніи, если вы разгромите Турцію; это будетъ, что называется, промѣнять кукушку на ястреба“. Я привелъ это нелѣпое мнѣніе, сказанное самымъ добродушнымъ образомъ, только потому, чтобы показать до какой степени распространено въ Румыніи, такъ же какъ вообще во всей Европѣ, недовѣ-

ріе къ нашей безкорыстной политикѣ; подобное ложное сужденіе есть для насъ несчастіе, которое служитъ преградой во всѣхъ нашихъ самыхъ честныхъ начинаніяхъ.

Румыны говорятъ: „Мы, при всемъ желаніи добиться уступокъ отъ Порты дипломатическимъ путемъ, вовсе не имѣемъ желанія покупать это столь дорогою цѣною, какъ война; иначе говоря, пріобрѣтеніе рукава Сулины, права чеканки своей монеты и вообще полной независимости со стороны Турціи, не выкупятъ тѣхъ жертвъ и риска, которыя страна неминуемо должна будетъ нести. Намъ не съ чѣмъ и не для чего воевать и, хотя наша армія отлично вооружена и вообще въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Сербіи, но во всемъ остальномъ мы находимся въ такомъ же положеніи, какъ и она. Въ случаѣ неудачи, Россія насъ покинетъ на произволъ судьбы, и гдѣ гарантія того, что баши-бузуки не раззорятъ насъ или не произведутъ тѣже безпорядки и безчинства, какъ въ сосѣдней странѣ, и тогда мы потеряемъ все, что уже имѣемъ“. Румынія готовится къ бою, но нехотя, принужденно скрѣпя сердце, какъ они говорятъ, подъ давленіемъ Россіи.

Разобравъ все это съ должнымъ вниманіемъ, вы не будете требовательны къ этому несчастному народу, который въ самыхъ чистыхъ своихъ побужденіяхъ былъ парализованъ всей Европой. Въ Россіи мы много горячились, волновались и кричали, но ни чѣмъ не рисковали, и народъ сербскій не видѣлъ нашей помощи, кромѣ добровольцевъ и санитаровъ; иначе говоря, мы все дѣлали для поддержанія этой неравной борьбы, т. е. какъ-бы подстрекая,— способствовали ея раззоренію.

Англичане, оффиціальные враги сербовъ, изъ-за Россіи, не меньше насъ желаютъ дарованія христіанамъ человѣческихъ правъ, помогли санитарами, а раззореннымъ — деньгами если не больше, то никакъ не меньше насъ *).

Вопросъ является открытымъ, чьи дѣйствія покажутся для сербовъ и христіанъ болѣе симпатичными? Англичане очень хло-

*) Первые по величинѣ и отличному устройству госпитали были присланы ими и нашими старовѣрами.

почуть о своей популярности именно между народомъ, что въ конституціонномъ государствѣ имѣетъ значеніе.

Въ объясненіе нерасположенія сербовъ къ русскимъ, полагаю, что вина лежитъ на большинствѣ нашихъ добровольцевъ, которые не умѣли приснаровиться, смѣшаться и возбудить сочувствіе, но стояли особнякомъ и своимъ безтактнымъ и неделикатнымъ поведеніемъ способствовали къ полному разрыву между родственными народами.

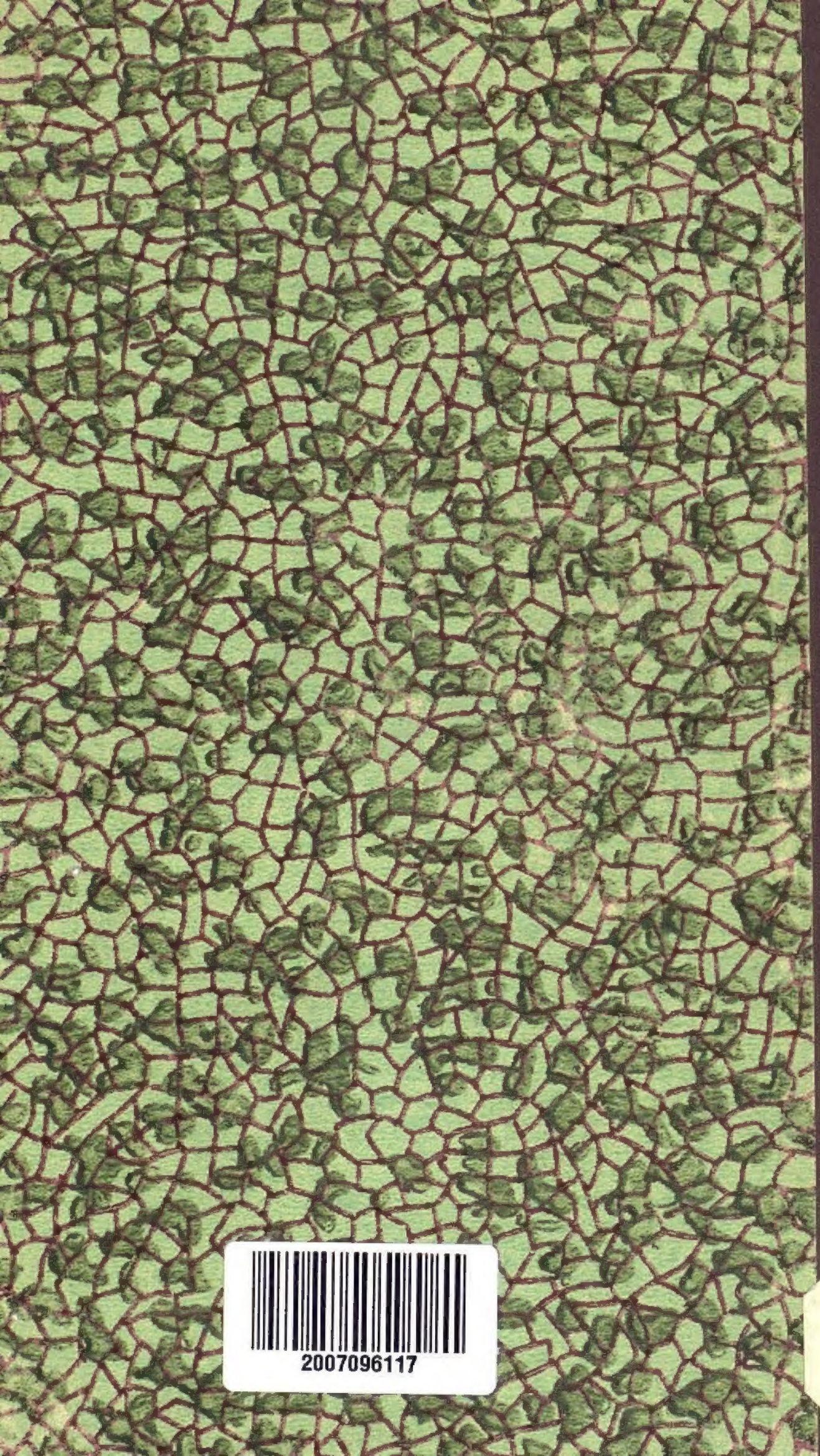
Я повторяю то, чѣмъ началъ, нисколько не преувеличивая, вопреки всѣмъ оффиціальнымъ овиціямъ, дѣлаемымъ въ Сербіи отъѣзжающимъ русскимъ, что сербы прежде насъ не знали и любили,—а теперь, познакомившись,—возненавидѣли.

До этой войны мы были неизмѣримо ближе къ нимъ, чѣмъ теперь. Между нами развернулась цѣлая пропасть и пока раны Сербіи не заживутъ, а можетъ быть и гораздо дольше, имя русскаго будетъ произноситься съ ненавистью.

Это ужасно, результатъ вышелъ для всѣхъ неожиданный, но для меня онъ вполнѣ объяснимый. Всѣ жертвы наши оказываются равными нулю, а страшное раззореніе и трауръ несчастныхъ славянскихъ народовъ одинъ общій знаменатель. Это естественно и ясно, какъ Божій день, и вы согласитесь съ этимъ, если взгляните на эту войну, какъ на дѣло общее всему христіанскому міру, съ точки зрѣнія интеллигентнаго серба, напр. митрополита Михаила, очень умнаго, образованнаго человѣка и расположеннаго къ русскимъ. За что сербы будутъ намъ благодарны? За раззореніе трехъ лучшихъ округовъ, за нищенствованіе $^1/_4$ части населенія княжества и взамѣнъ—надежда на полученіе Малаго Зворника, т. е. съ десятокъ домовъ на правомъ берегу рѣки Дрины. Нечего сказать, велика услуга! Этотъ маленькій старичокъ, живой портретъ покойника митрополита Филарета, говорилъ мнѣ: „Сербія съиграла и окончила первый актъ трагедіи; теперь вашъ долгъ продолжать другой. Обвиняйте кого хотите, Францію, Англію и Германію, но только не насъ, мы все сдѣлали, что могли. Долгъ заступничества за общечеловѣческія права лежитъ на всемъ человѣчествѣ. Вмѣсто того, чтобы помочь, эти державы теряли время въ безплодныхъ переговорахъ. Нѣтъ, сербы достойны удивленія и сожалѣнія; вся кровь, пролитая нами, сербами и русскими, ложится на эту бездушную дипломатію. Мы ни въ чемъ не нуждались и

выступили за угнетенныхъ братьевъ изъ чисто христіанскаго и рыцарскаго чувства".

Въ заключеніе, я утѣшаю себя мыслію, что раны Сербіи скоро залѣчутся, ее только нужно оставить въ покоѣ. Конституція и довольство страны, какъ во Франціи, поставившее Сербію на высоту матеріальнаго благополучія, скоро возстановятъ ея силы. Но исторія навсегда сохранитъ это чудовищное хладнокровіе поднявшихся на высоту идеи культурныхъ народовъ.


2007096117